

Алексей Леснянский

*Гамлеты
в портянках*

Алексей Леснянский
Гамлеты в портянках

«Издательские решения»

Леснянский А. В.

Гамлеты в портянках / А. В. Леснянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749232-8

Роман «Гамлеты в портянках» повествует об одном дне из жизни артиллерийской батареи. Два новобранца от подъёма до отбоя проходят через дантов ад «дедовщины» и «уставщины», процветающей в учебном батальоне мотострелковой бригады «бешеных псов».

ISBN 978-5-44-749232-8

© Леснянский А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гамлеты в портянках

Алексей Васильевич Леснянский

© Алексей Васильевич Леснянский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена и события вымышлены, совпадения с реальностью прошу считать случайностью

– Чья рота? – спросил князь Багратион у фейерверкера, стоявшего у ящиков.

Он спрашивал: «Чья рота?», а в сущности он спрашивал: «Уж не робеете ли вы тут?» И фейерверкер понял это.

– Капитана Тушина, ваше превосходительство, – вытягиваясь, закричал весёлым голосом рыжий, с покрытым веснушками лицом, фейерверкер.
«Война и мир», Л. Толстой

Глава 1

Молодое пополнение загнали на третий этаж мотострелкового батальона и построили в одну шеренгу. Высокий подтянутый капитан по фамилии Павлецов, – в глазах которого поблёскивали плутовские огоньки, свойственные главному хулиганистому мальчишке Марка Твена, – пошёл вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица новоприбывших. Обладая большим опытом в работе с людьми, он умел с первого взгляда определять пригодность того или иного солдата к службе в армии.

На этот раз Павлецов был почти доволен рекрутами. Обнаружив в шеренге низкорослого новобранца с затравленным выражением лица, капитан посчитал своим долгом остановиться и подрастить малого до славного малого без помощи моркови.

Мал золотник, да дорог, – произнёс Павлецов, и коротыш вытянулся на тридцать сантиметров как в собственных глазах, так и в глазах новых товарищей. – Боец, похожий на тебя лист в лист, при мне уложил двух чехов¹ штык-ножом, – продолжил капитан, и паренёк посмотрел на офицера, как натуральный баскетболист на любимого тренера. – Из тебя выйдет отличный «махра»², ко мне в роту пойдёшь, – заключил Павлецов и отошёл от солдата, начавшего страдать гигантизмом.

Тем временем сержанты, словно глухонемые, выразительными жестами требовали у новобранцев деньги. Не вызывает сомнения, что старослужащие желали добра младшим товарищам. Не будь рядом капитана, сержанты с помощью матерного языка объяснили бы молодёжи, что армия – это коммуна, в которой нет денежного обращения, так как двухлетний банкет полностью оплачен государством. Также старослужащие обязательно рассказали бы призывникам о том, что в среде военнослужащих нет рабов и господ, а все сплошь товарищи (это такая универсальная приставка) и всякие рядовые, лейтенанты и полковники (это такие звания для разнообразия). Не забыли бы сержанты упомянуть и о том, что в Вооружённых Силах все так любят и уважают друг друга, что это становится уже совсем неприличным для воинственной среды, и поэтому старослужащие иногда пускают в ход кулаки – единственно для того, чтобы восстановить необходимое приличие. Словом, всё это было бы объяснено новоприбывшим доступным языком, но рядом находился капитан, и в ходу был язык жестов.

Через какое-то время Павлецов заметил, что в казарме завелись глухонемые, и голосом, в котором чувствовалась уверенная мощь танковых гусениц, сразу занялся лечением сержантского состава:

– Рассосались отсюда, пучеглазые амёбы, иначе в ваших челюстях образуются брешки. А тебе, Толканов, я вообще вылечу кариес, потому что именно зубы являются ареалом обитания этой болезни. По волшебному взмаху моей руки в твоей ротовой полости образуется не просто брешь, а целая просека.

– Что образуется, товарищ капитан? – спросил Толканов.

– Всё образуется, а теперь – исчезли!

Сержанты пробубнили избитое «вешайтесь, «духи» и лениво направились в комнату досуга, бросая недовольные взгляды на молодёжь. В это время из канцелярии донёсся львиный рык. Казалось, Зевс-громовержец спустился с Олимпа на землю, чтобы распечь по телефону прапорщика с вещевого склада.

– Приехали... Приплыли... Встряли... Попали, – пронеслось по шеренге.

Дверь канцелярии распахнулась настежь, и в проёме появилась грузная фигура азербайджанца с густыми иссиня-черными усами, которые в углах мясистого рта водопадом низвер-

¹ Чеченский боевик (арм. сленг)

² Пехотинец (арм. сленг)

гались к низу. Его бритая голова, водружённая на массивную шею, думается, никогда не знала поворотов. Этого человека можно было принять за турецкого янычара, сказочного джина или монгольского богатура времён Батыя. Но исполин в военной форме с погонами подполковника являлся никем иным как комбатом учебного мотострелкового батальона. Он не посмотрел на шеренгу новобранцев и даже не окинул её властным взором. Не возникало и тени сомнения, что этот человек был рождён единственно для того, чтобы свысока обозревать вверенные ему владения и движениями глубоко нависших над глазами бровей управлять своими подданными. В батальоне ему принадлежало всё: имущество, вооружение, техника, солдаты, мысли и сны солдат. Закалённый омским ВОКУ³ имени Фрунзе, где готовились полевые офицеры для ведения боевых действий в любых условиях и поднимались на смех выпускники московского ВОКУ имени «8 марта», пригодные лишь для того чтобы маршировать на парадах в отглаженных хромовых сапогах и щёгольских фуражках с высоко задранными тульями, – он многое знал и умел, всё прошёл и видел людей насквозь. Не всегда правильная, но яркая и выразительная речь, пересыпанная грубыми шутками и остротами, духовым оркестром неслась из его горла безо всякого азербайджанского акцента и при случае могла заглушить орудийную канонаду. Хитрая улыбка, регулярно выползавшая на его лицо, казалось, говорила: «Ведь и знаю вас, разбойников, а всё равно люблю».

– Добро пожаловать в чистилище, сынки! – дружелюбно пророкотал голос комбата в казарме, но призывники вздрогнули. – Я оторву вас от мамкиной титьки и тяткиного кармана и научу быстро, правильно и лаконично служить Родине! Обещаю, что вы даже сделаете пиф-паф из АК-74, если до присяги не ударитесь в бега! У кого в прямой кишке забаррикадировались домашние пирожки, советую в ближайшее время посетить сортир. Отныне вы будете гадить только тем, что вам предложит армия! Это не всегда вкусно, но всегда недосолёно! Ясно?!

– Так точно!.. Да!.. Ага! – вразнобой отреагировала шеренга.

– Видели голову пса на входе в батальон?! – продолжил комбат. – Это не простой, а бешеный пёс неизвестной породы! Ваши предшественники заработали вам право называться гвардейцами после антитеррористической операции в Чечне! Хасавюрт, Моздок, Минеральный, Кень-Юрт, Толстой-Юрт, Гудермес, Курчалой, Автуры, Борзой и Дарго – места, по которым мы прошли с честью, выполнив свой долг! Долг и честь – девиз ББР⁴! Тот из вас, кто уронит марку, будет расстрелян на месте! Вы станете проклинать каждый день, проведённый здесь, но по прибытии в другую часть закидаете благодарственными письмами батальон Джалилова! Уже через месяц вашим потом я затоплю КНР, через три – планету Земля! Предстоящая зима станет последней для инфантильных мальчиков в шортах и первой для настоящих мужчин! У кого права категории «С» или корочки тракториста – переместились на левый фланг! У кого высшее или хоть какое-нибудь образование – отошли на правый!.. Дежурный!

– Я! – откликнулся младший сержант Кель.

– Сгорел за старшим лейтенантом Когановым! Пусть поднимается отбирать людей!

– Есть! – крякнул Кель и растаял в воздухе.

Через два часа после спича комбата молодое пополнение раскидали по этажам. Повезло только тем новобранцам, которых распределили в автомобильную роту. Хотелось бы сказать, что ребятам, попавшим к «богу войны» и «царице полей», повезло чуть меньше, но не станем лукавить перед читателем. Сержантский состав артиллерии и пехоты, выживший в кошмаре читинских учебок и частично из ума, представлял собой скопище головорезов.

Это может показаться удивительным, но совсем недавно глубоко верующие люди, строящие взаимоотношения с другими на основе евангельских заповедей, могли бы позавидовать

³ Высшее Общевоинское Командное Училище

⁴ Бригада Быстрого Реагирования

недавним курсантам, а ныне сержантам нашего батальона. Смирение в атмосфере ежедневных издевательств было первоочередным условием выживания в читинских учебках. Молодые солдаты, попадавшие туда служить, быстро учились глушить в себе ненависть, потому что каждую секунду, днём и ночью, хотелось не просто ударить своего командира отделения, а мёртвой хваткой вцепиться в глотку истязателя, а это уже тюрьма.

Первый этаж. Автомобильная рота. 14:30.

– Добро пожаловать в автомобильную роту! – поприветствовал новобранцев комроты, капитан Земенко, уже успевший обмыть пополнение. – Артиллерия и пехота – это балласт, даром жрущий хлеб налогоплательщика. Там только и умеют, что бездумно лупить в небо и бегать, как идиоты. Да, ваши руки будут по локоть в мазуте, зато скоро научитесь беседовать с техникой на «ты». Водитель – самая почётная профессия в армии, потому что при перевозке личного состава у каждого из вас в кузове будут сидеть десятки недоделков с других этажей! Их вонючие жизни целиком в ваших руках. Когда вас будут называть колёсами – гордитесь. Содержимое вещмешков – на пол. Оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное – в расход.

Третий этаж. Мотострелковая рота. 14:30.

– Добро пожаловать в пехоту! – произнёс знакомый нам капитан Павлецов, который, как и Земенко, тоже успел где-то нагрузиться. – Долгоиграющий ручник и дульный тормоз компенсатора – это авторота с первого этажа. Их жалкий удел – вонючая соляра и прозябание в боксах. Благородная полевая пыль на форме – это далеко не пыль, а золотое напыление. Пехотинцы делают победы, остальные могут надеть только штаны. Тупо запомните это! Ваш главный враг – артиллерия. Спуску ей не давать, иначе будете жрать в противогазах, а спать в ОЗК⁵. Вы можете сбить шаг на плацу без последствий для себя, если врежетесь в гущу «фейерверкеров»⁶ и расстроите их ряды. Предупреждаю всех, что этих обезьян неплохо готовят. Берите количеством! Тупо запомните, что пехота берёт массой! Пехота – от слова «много», поэтому нет ничего зазорного, если трое наших прессуют одного чужака, у которого на петлицах «палец о палец не ударил». Скоро эти обормоты одыбаются после гражданки и начнут задира́ть вас при каждом удобном случае, дразнить махоркой. Последний из артиллеристов никогда не уступит пехотинцу, потому что кроме комбата, своих взводных и сержантов они никого не боятся. Их натаскивают, как бойцовых собак. Вы для них – красная тряпка. Тупо запомните, что они ещё не успели сюда попасть, а уже ненавидели вас. Эта вражда тянется давно. Когда-нибудь я расскажу вам, с чего всё началось, а сейчас содержимое вещмешков – на пол. Оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное – в расход.

Второй этаж. Артиллерийская батарея. 14:30.

– Добро пожаловать в отдельные артиллерийские взвода, малыши! – произнёс помощник командира батальона по артиллерии, старший лейтенант Коганов, тоже малость нетрезвый. – «Фейерверкеры» – это вам не в тапки гадить. Знаете, как я отсеивал вас от остального сброда? Я набирал себе либо сильных, либо умных, либо два в одном, как в рекламе. Отбросы достались остальным. Про недоносков из автороты, рождённых от аккумулятора и выхлопной трубы, не стоит говорить много. «Колёса» – поносно-жёлтое пятно на теле батальона. Ваш враг №1 – вшивая «махра». При каждом столкновении с ней нас будет на три человека меньше, но тот из вас, кто покажет тыл этим собакам, схлопочет по загривку. На чёрном поле артиллерийских петличек скрестились пушки, чуть выше которых я должен всегда лицезреть черепа пехотинцев с третьего этажа. Чтобы был полноценный весёлый Роджер, – ясно?! Зарубите себе на носу, что вы интеллектуальная элита современной армии. Берите хитростью и манёвром, воюйте мозгами. С этого дня я буду насиловать вас марш-бросками по полной выкладке, истяз-

⁵ Общевойсковой Защитный Комплект

⁶ Артиллерист (арм. сленг)

зять зубрёжкой уставов и ТТХ⁷ миномётов и гаубиц. Я заставлю вас так чеканить шаг на плацу, что на другом конце Земного Шара, прямо под нами, на аборигенов будут сыпаться бананы. Слова «не хочу» и «не могу» отныне заменяются на словосочетания «не хочу, но есть, товарищ старший лейтенант», «не буду, но так точно, товарищ старший лейтенант». Эти словосочетания – законы для «фейерверкера». Они могут быть незначительно изменены только тогда, когда мне присвоят очередное звание. Затешите себе на извилинах, что лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов. А теперь оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное – в расход.

Аляпистые речи офицеров, напичканные пьяным пафосом, не зажгли новобранцев.

Часть солдат решила, что офицеры шутят, так как с такими словами обращаются только к американским морским пехотинцам перед боем, да и то только в военных фильмах, а не в жизни. Они бравым видом дали понять, что выпады в адрес солдат с других этажей оценены по достоинству, а теперь было бы неплохо начать устраиваться на новом месте.

Другая часть солдат решила, что офицеры немного не в себе, так как не видели никаких оснований в том, чтобы презирать человека только потому, что его поселили этажом выше или ниже. Они с уважением выслушали командиров, но запоминать ничего не стали, потому что запоминать, на их взгляд, пока было нечего.

⁷ Тактико-технические характеристики

Глава 2

Прошло три недели с момента прибытия первых призывников, и батальон был полностью укомплектован. До присяги, когда идёт курс молодого бойца, солдаты именуются «запахами» и малоинтересны. Ревниво охраняемое сержантами-волкодавами стадо баранов – и всё тут. Отбой-подъём, казарма-столовая – вот исчерпывающий перечень маршрутов новобранцев во времени и пространстве. Вокруг никому нет никакого дела до того, что кто-то уже умудрился натереть мозоли на ногах, гнусит по поводу жёсткого распорядка дня и грезит о котлетах. Чай, не пионерский лагерь. Концентрационный, быть может? Нет, и не концентрационный, а золотая середина между данными лагерями, которая легко находится, если зреть не в корень, как советует Козьма Прутков, а в суффиксы слов «пленительный» и «пленный». Это автор к тому, что не стоит искать корень армейского зла, иначе мы будем в корне не правы. Лучше поищем проблему в суффиксе, тогда, даст Бог, и доползём до благополучного окончания нашей истории.

Наверняка читателю не терпится познакомиться с главными героями романа. Автору тоже неймётся представить ребят, но на страницах рукописи введено военное положение. Из ставки Верховного Главнокомандующего получен письменный приказ: «Для просвещения читателя просветить мотострелковый батальон рентгеном в режиме реального времени с целью показа общего плана». Автор обязан подчиниться, иначе, чего доброго, его ещё поставят к стенке.

Итак, читатель смотрит, писатель комментирует...

Один час до отбоя. Сотни людей в грязно-белом нательном белье в разных направлениях пересекают казармы, ловко огибая попадающихся на пути сержантов, потому что боже молодых солдат сохрани от столкновения со священными коровами учебки.

Только три курсанта (по одному на каждом этаже) недвижимо стоят на тумбочках⁸ дневальных.

Один из дневальных, автомобилист с первого этажа, беспрестанно напрягает подбородок на пару с шеей и расширяет ноздри, как лошадь во время ржанья. Этим проверенным способом солдат жестоко подавляет просящиеся изо рта звуки зевоты, словно имеет дело не с потребностью организма во сне, а с восстанием.

Другой дневальный, артиллерист со второго этажа, постоянно похлопывает себя по левому бедру. Это он делает для того, чтобы убедиться в том, что свисающий с ремня штык-нож никуда не делся, так как за потерю холодного оружия обещали наказать, как за пропажу гаубицы.

Третий дневальный, пехотинец с третьего этажа, заложив руки за голову, скрестив ноги и навалившись на стену, в данный момент играет со смертью, потому что стоять в такой позе на тумбочке нельзя. Если этого парня мысленно перевести в горизонтальное положение, подсунуть ему под спину шезлонг, стянуть с него военную форму и переместить его на лазурное побережье, то он вполне может сойти за молодого отдыхающего господина. Но он товарищ. И не просто товарищ, а товарищ солдат, который прекрасно знает, что его в любую секунду могут увидеть в такой фривольной позе и жестоко наказать. Только в этом-то и состоит вся прелесть игры. Просто после скучного полуторачасового стояния парню вдруг захотелось адреналина, и он решил, что при желании тумбочка дневального может дать не меньше острых ощущений, чем, например, купание с аллигатором или прыжок с парашютом. По сверкающей холодной росе, выпавшей на лбу бойца, сразу видно, что он готов присягнуть ещё до присяги

⁸ В данном случае – невысокий постамент, на котором стоит дневальный по роте

на любом бумажном носителе от армейского туалетного папируса, причиняющего боль мягкому месту, до библии, что ему никогда не было так хорошо и страшно, как сейчас.

Глядя на дневальных, так и хочется сказать: «Вы бы сейчас на себя со стороны посмотрели». Но это лишнее, потому что каждый из них только и делает, что разглядывает себя во весь рост в большом прямоугольном зеркале, над которым красными буквами написано: «Заправься!». Дневальные мысленно пытаются ускорить ход времени, но оно никуда не бежит и даже не идёт, а стоит себе на часах, как и они.

То тут, то там мелькают бордовые повязки, носителями которых являются дежурные по ротам. Кстати, сейчас к одному из них – сержанту пехоты Хлудову – из разных концов казармы сломя голову несутся курсанты из числа дневальных свободной смены, чтобы получить очередную порцию приказаний или ударов по челюсти.

Интересно, а кто это в неурочный час уже оккупировал койки и сладко зевает, смакуя во рту шоколады и мармелады? Кого обслуживают «слоны», срок службы которых перевалил за полгода, и охраняют «черпаки», коим остался год до демобилизации? Конечно, речь идёт о «дедах», в руках которых сосредоточена вся власть, потому что нигде так не чтут старость, как в армии. Молодым пожилым людям давно опротивело целыми днями заниматься бездельем, и многие из них, вполне допускаем, даже мечтают потрудиться на ниве мытья полов, но им категорически запрещено контактировать со шваброй, иначе они покроют своё имя несмываемым позором и обесчестят неприкасаемую касту старослужащих.

Но вот на втором этаже вдруг исчезли почти все солдаты. Что же случилось в артиллерии? Читатель, нет никаких оснований для волнения, потому что не успели мы и глазом моргнуть, как зимний головной убор замкомвзвода Саркисяна стремительно полетел на пол вперегонки с духами. Шапка не успеет достигнуть горизонтальной поверхности, а её в упоре лёжа уже будут ждать курсанты – да так, надо отметить, долго, что только в русских сказках можно найти точное определение такому промежутку времени одним словом. Одним словом – «давным-давно». Молодёжь будет отжиматься до тех пор, пока из неё не выйдет весь суворовский чудо-пот, который, как известно, кровь бережёт. Старший сержант Саркисян по прозвищу Армян не уймётся, пока не выцедит из своих подчинённых всё до последней капли. Просто он хочет на практике доказать сержанту Кузельцову, что можно без всяких «ТЭЦов, ГЭСов и ШМЭСов» повысить температуру в казарме на четыре градуса, потому что артиллерийская батарея, по его словам, должна греть не хуже чугуновой. Автор по секрету скажет, что в тот вечер, который мы выбрали для наблюдения, Армян не добьётся достаточной теплоотдачи от курсантских организмов. Ртутный столбик казарменного термометра не только не поползёт вверх, но и вообще опустится на два деления вниз из-за сильного уличного мороза, начавшего затяжной штурм батальона ещё в полдень.

Пока товарищ Цельсий на пару с товарищем Фаренгейтом поминаются солдатским лихом, переключимся на третий этаж. Пехотинцы, которых здесь что сельди в бочке, уверены, что первостатейное зловоние, которое источают их портянки, можно смело запирать в медицинские склянки и применять не только как нашатырь, но и в другом, более смелом качестве. Если понадобится, солдаты с третьего этажа даже готовы дать голову на отсечение, что их портяночный запах можно использовать не только для приведения людей в чувство, но и для воскрешения мертвецов. Автору остаётся только надеяться, что те доктора медицины, которые после прочтения этой рукописи непременно захотят претворить в жизнь пехотный метод оживления трупов, как-нибудь изловчатся взять с каждого усопшего слово, что после возвращения к жизни тот не будет вести себя как последний зомби. А то, что учёные мужи не забудут упомянуть «махру» с третьего этажа в своей нобелевской речи, мы даже не сомневаемся. Офицеры, прапорщики и сержанты пехоты не используют изощрённые способы приведения курсантов к общему знаменателю, как это делают в богатой на выдумку артиллерии. На третьем этаже просто методично и жестоко бьют молодое пополнение. Увидев среднестатистического

пехотинца, сама примитивность, не задумываясь, написала бы рапорт об увольнении в запас в связи с приходом достойной смены.

Теперь обратим внимание на бытовку пехотинцев. Там как раз полным ходом идёт восстание. Первое и последнее за всю историю учебки. Мятеж обречён на поражение, несмотря на то, что вчера вся рота договорилась выступить единым фронтом против ненавистной сержантской диктатуры. В общем, поднялись только дагестанцы. Сожмём дипломную работу «О причинах провала Великой Декабрьской Дагестанской Революции» до курсовой. Нет, до реферата. Нет, пожалуй, донельзя. Две причины. Во-первых, малочисленность восставших. Во-вторых, ненависть русских всех призывов к дагестанцам. Итак, два замкомвзвода – Толканов и Баскимпиров – молча вертятся волчком и раздают удары направо и налево. Оба знают, что подкрепления не будет, так как другие сержанты заперты в каптёрке. Дагестанцы визжат от злобной радости. Рано. Толкан, кажется, решается на прорыв. Расставив руки наподобие самолётных крыльев, он, подобно отважному Гастелло, пикирует на бунтовщиков, опутывает себя противником, крикает, трещит в области подмышек, кренится на левый бок и валится на пол со всей рвущей его на куски братией. Баскимпир взлетает на кучу, организованную Толканом, и думает: «Друг, ты погиб с пользой для контрреволюции». Хотя нет, он ничего такого не думает. Ему некогда, а главное нечем думать.

Несколько секунд постояв на кургане, напоминавшем клубок копошившихся дождевых червей, Баскимпир бросился к двери бытовки. Там его встретил дагестанец из третьего взвода со шваброй в руках. Кавказский «хлеб-соль» оказался не по зубам Баскимпиру. Семечки белого цвета посыпались изо рта Баскимпира на пол, и сержант, – никогда не имевший проблем ни с буквой «р», ни с буквой «с», ни с буквой закона, – вдруг, сплёвывая кровь, прошепелявил:

– Ш догоги... шука!

Такое обращение не понравилось гордому сыну гор, и он двумя боковыми ударами превратил уши сержанта в локаторные установки, вероятно, надеясь на то, что теперь ненавистного Баскимпирова наверняка переведут из пехоты в войска противовоздушной обороны. Как бы ни так! Баскимпиров был рождён «махрой», но умирать им отнюдь не собирался. Он никогда не сдавался без борьбы. Греко-римской. Страшной в применении кандидата в мастера спорта. Отчаянные удары ладонью по полу не помогли дагестанцу. Баскимпиров мял и ломал зарвавшегося «духа», пока не дождался заискивающего возгласа:

– Товарыщ сэржант, всё, всё! Большэ нэ буду!

Оказавшись в расположении, заплывший от синяков Баскимпиров засеменил к каптёрке. Он по-волчьи озирался по сторонам. Никто не посмел встать у него на пути. У духов пехотной роты, не поддержавших дагестанцев, продолжалась плановая подготовка к завтрашнему дню. Под бочком у революции молодёжь продолжала спокойно бриться, подшиваться, гладиться, стричься и пописывать письма мамам и любимым. На сержанта обратили внимание лишь два подшивавшихся духа.

– Ништяковский у него шеврон с бешеным псом, – да? – спросил один.

– Ага, а мы какую-то красно-бело-синюю хрень на плече носим, – подтвердил второй.

Наконец пришло время обратить внимание на автороту. Вот подразделение, на котором отдохнут наши глаза и успокоится учащённый пульс, ведь «колёса» – это скорее содружество мастеров, чем воинов. Поразительно, как офицерам с бабочками на петлицах из года в год удаётся сосредоточить в одной куче столько парней, знакомых с разными ремёслами. В автороте есть краснодеревщики, плотники, парикмахеры, каменщики, монтажники, сварщики, штукатуры, маляры, художники, сапожники, специалисты по наколкам, повара и, конечно, автослесари. Посмотрите, как сидя на табуретах, корпят и сопят за порученной работой сторбленные духи. Не хотелось бы на кого-нибудь наговаривать, но вон те в отличие от вот этих, кажется, бессовестно кимарят, ведь сержанты в автомобильной роте – пустая формальность. Они не смотрят, а присматривают за курсантами, не ругают, а поругивают недисциплиниро-

ванных, не стучат, а постукивают душками от кроватей по бритым головкам. Прямо детский сад «Курсантик». Что-то не так. Да, это действительно обманчивое благополучие.

Всё было бы просто замечательно, если бы не обитал на первом этаже дракон о тринадцати бесшабашных головах. Рентген здесь бессилён, потому что взвода материального обеспечения («обоз», «хозбанда») в казарме нет; там от него и след простыл, зачах и скоростно скончался. «Хозбанда» с подъёма до отбоя без усталости рыщет по лицу бригады в поисках славы Герострата. Легендами о похождениях чёртовой дюжины можно снабдить целые писательские артели. Взглянем на форму этих тринадцати солдат. Первое, что бросается в глаза, – это бляхи на их ремнях. Бляха-муха, какие бляхи! Золотые осколки, отколупанные от солнца, – вот какие бляхи! А сапоги!? Сапоги начищены до такой степени, в которую не решится возвести число даже калькулятор. В сапогах взвода материального обеспечения читатель сможет разглядеть не только собственное лицо, но и цвет глаз – вот как блестят сапоги! Китель, штаны и бушлаты воинов «обоза», однако, подгадили, но не то чтобы совсем. То есть даже совсем не подгадили! Да, форма «хозбанды» полностью выцвела, на ней не увидишь фабричных маскировочных пятен, зато на штанах и кителях ВМО в изобилии имеются пятна от бензина, краски, мазута, извести, жира – словом, всевозможные пятна как низкого, так и высокого происхождения. В арсенале тринадцати головорезов есть абсолютно всё от ржавых гвоздей до мобильных телефонов предпоследней модели. Своим безбедным существованием «обоз», – в котором все солдаты за исключением замкомвзвода являются рядовыми, – не перестаёт опровергать, казалось бы, непреложную истину о том, что в армии всё разворовано. Стало быть, не всё. Оказывается, есть ещё порох в пороховницах, бензин в бензобаках и мука в сусеках благодаря служебному рвению странных офицеров и прапорщиков, которые идут супротив народного мнения. Какого мнения? А такого очень распространённого мнения, что казнокрадство в России – это не просто хорошо, но и, вне всякого сомнения, – святое дело, за которое отпустится множество грехов.

На разводе беседа комбата с «хозбандой» неизбежна. Для примера вырвем один день, когда все парни из ВМО в сборе, и посмотрим, что творится на плацу.

– ... В походную колонну! Повзводно! В направлении батальона правое плечо вперёд – марш! – отдал команду комбат.

Автомобильные, артиллерийские и пехотные колонны, похожие на гигантских сороконожек, браво двинули в сторону тёплых казарм. В хвосте маршировавшего ПТУР взвода вдруг завёлся оракул с морской фамилией Скатов. Он зевнул и вяло произнёс:

– А ща батя рявкнет: «Обоз» – ко мне».

– «Обоз» – ко мне! – тут же рявкнул комбат.

– А теперь: «Бегом марш, власовцы».

– Бегом марш, власовцы!

– Басмачи.

– Басмачи!

– Дебилы, эсэсовцы, недоноски.

– Дебилы, недоноски, эсэсовцы!

– Обозное отродье.

– Обозное отребье!

– Стареешь, батя, – прокомментировал Скатов. – Ошибка на втором слове. Поправься-ка.

– Ни черта! – взревел комбат. – Вы не отребье! Вы хуже! Вы отродье!

– Порядок, батя. А ща поимей-ка Буянова. Это он. Больше некому.

– Буянов!!! Опять ты! Кто бы сомневался?! Больше ведь у нас некому! Ко мне!

У тринадцатиголового дракона учебки отвалилась самая лихая голова, строевым шагом подкатилась к ногам командира батальона и поникла.

– Моему терпению пришёл конец, Буян! – заявил комбат своему рядовому уже, наверное, в юбилейный тысячный раз со дня их знакомства. – На дизель⁹ попрёшь! Не я ли третьего дня отмазал тебя перед зампотылом?! Знаешь, каких трудов мне это стоит каждый раз?!

– Больших, тарищ полковник, – отвечив Буянов, придав значительный вес слову «больших», как будто именно это имело сейчас первостепенное значение, и он готов убить всякого, кто вдруг считает, что комбату это стоит малых трудов.

– Для чего напоил прапора с вещевого склада?

– Для дела, тарищ полковник, – резко подняв голову и сверкнув глазами, с допустимой долей дерзости в голосе произнёс Буянов. – Сами же говорили, что в «махре» трёх ОЗК не хватает.

– В башке у тебя не хватает! – прокричал комбат и понизил голос: «Прапор доволен? Не попадётся на разбазаривании?»

– Так точно! Никак нет! – по форме выдал нарушитель дисциплины, и всё его лицо так и дышало большой и чистой, но по воле проклятого рока – неразделённой любовью к Уставу Вооружённых Сил.

– Чё «так точно»? Чё «никак нет», идиот?!

– Ответ на первый вопрос – так точно, на второй – никак нет.

– Молодцом, Буян, – В противовес похвале от комбата последовал удар ногой в голень, и солдат, вскрикнув, с разворотом полетел на плац с перекошенным от боли лицом, умудрившись в падении подмигнуть товарищам, что, мол, сейчас больше играю, так как вскользь пришлось и вообще батя, кажется, не всё знает. – А по-другому с тобой никак, потому что ты, один чёрт, урод. Ты поклялся мне, что больше ни капли, а вчера ночью три обожратых архаровца во главе с тобой сожгли американский флаг в защиту США на крыше третьего батальона! Недоумок! США – это Соединённые Штаты Америки! Это как если бы ты вырвал из груди сердце в защиту тела!

«Обозники» тяжело вздохнули, но это было одно лишь притворство.

– Хороший ты мужик, батя, – подумали они, – но в международной политике не шарить. Если пьяный Буян, посмотрев новости, говорит, что американцев пора спасать от самих себя, значит, так оно и есть, потому как Буян – политик от Бога. Он добыл ОЗК для «махры», а в этом деле без политики никак.

– А потом, значит, свесили ноги с крыши и ну беседовать с Полярной-то звездой, – продолжил комбат и всплеснул руками. – Ба-а-а, а она им прямо отвечает, подмигивает. Недоноски! Благодарите Бога, что дежурного по части это позабавило, иначе – труба! Говорили-говорили, изливались-изливались, в любви звезде объяснялись, а потом безобидное светило чем-то даунам не угодило, и они начали его матом крыть, прицельно харкаться в небо. Дежурный утверждал, что били не без прямой наводки, только харчки вместо космоса всё как-то к земле прибывало. Для того, наверное, и кастрировали, чтобы потом со слезами на глазах прощение у звёздочки просить. Ведь было же?! И прекрасной-то стала звезда распрекрасной, и полярной-то располярной.

– Так звезда-то по всему маршальская, а может, и больше, – ляпнул замкомвзвод по прозвищу Мурзилка, единственный сержант в «хозбанде».

Мурзилка был инфантильным, добродушным и не в меру словоохотливым солдатом. Язык редко доводил его до Киева, бросая на произвол судьбы где-то на границе Украины и России.

– Тогда держи привет от маршала Господа-Бога, – спокойно произнёс комбат и с размаху опустил на шею Мурзилки ладонь, в которой баскетбольный мяч казался теннисным шариком. – Что передать Всевышнему, сынок?

⁹ Дисциплинарный батальон (арм. сленг)

– Откат нормальный, тащ полковник!

– Смирно! – скомандовал Джалилов, и подбородки солдат одновременно взметнулись к небу. – Я ещё не закончил. Думаете, что комбат не в курсе? Кто из вашего тупорылого стада подогнал на КПП три проститутки для «духа» из автороты? Ты, Зыря? Или ты, Зидан? Нет, у вас мозгов бы не хватило. Тут почерк Юры Питерского, нашего интеллигента с Помойки.

– Мойки, товарищ подполковник, – вежливо поправил Юрик.

– Ах, с Мойки... Вон оно как... Тогда держи привет от твоего земляка Сан Сергеича Пушкина из соседнего подъезда.

– Товарищ подполковник, Вам, наверное, ещё не всё доложили. – В глазах Юрика плеснулась печаль, губы его дрогнули. – Товарищ подполковник, не могу знать, как и сказать.

– Что опять, дебил?

– Совсем недавно... по геологическим меркам полсекунды назад великий поэт погиб в локальном конфликте с Дантесом, – с бесстрастным выражением лица взошёл Юрик на эшафот, ликуя в душе, что сегодня его гильотинируют не тупо, как обычно, а с уважением за предсмертный юмор, как Дантона.

– Пушкин жил! – Затрещина. – Пушкин жив! – Затрещина. – Пушкин будет жить! – Затрещина. – Что нацарапать поэту в ответ, сынок?

– Откат нормальный, товарищ подполковник. А ещё напишите, что весь он не умер, что душа в заветной лире его прах пережила и тленья убежала... Только у нас не подъезды. Парадные у нас.

– У вас подъезды!.. Петербург – Ленинград! – Затрещина. – Парадная – подъезд! – Затрещина. – Дайте три булки – дайте три хлеба, продавец! – Затрещина. – Доволен?! – крикнул комбат что есть силы, и «обозники», чтобы не оглохнуть, предусмотрительно открыли рты, как это делают артиллеристы во время выстрела из пушки. – Парнишка недавно призвался, а они ему – развратных девок на золотом блюде с голубым кантом!

– Так у парнишки с женщиной ни разу, – заметил медлительный и с виду такой смирный солдат по прозвищу Колобок, от которого мудрый народ всегда предостерегает другой народ известной поговоркой: «В тихом омуте черти водятся».

– И что с того?! – рассвирепел комбат. – Не в ту степь вы сердобольность направили! Три проститутки!

Глухое ворчание в шеренгах:

– Говорили Юрику, что одной по-за глаза бы хватило... Ну максимум две... Да, две ещё куда не шло... А он давай три, давай три...

Разнос ВМО мог продолжаться до бесконечности, но стоять на плацу было холодно, и Мурзилка решил сократить гнев комбата в числителе с раскаянием «хозбанды» в знаменателе по всем правилам сокращения армейских дробей. Он обвёл взглядом товарищей и с самоуничижением произнёс:

– Виноваты, тащ полковник. Готовы понести любое наказание. – По лицу комбата было видно, что пока что его гнев не собирается сводиться к минимуму, и Мурзилка продолжил: «Взво-о-од, заправиться! Подтянуть ремни! Общая команда – шомпол!

Наступила решительная минута. Флибустьеры учебки вытянулись в струну. На физиономиях парней высветилась собачья преданность со шепоткой лукавства, и комбат, расплескавший гнев, размяк. Он по-отцовски любил «обоз». Случалось, и поколачивал парней, не сортируя их на правых и виноватых, бранил их последними словами, но с пеной у рта защищал чёртову дюжину всюду и везде. Самое интересное, что он даже самому себе боялся признаться в том, что каждая изошрённая проделка «хозбанды» наполняет его сердце гордостью. «Эсэсовцы, недоноски, дебилы!» – распекал он парней на плацу, но эхо в глубине офицерской души почему-то отзывалось: «Орлы, соколы, кречеты мои степные!»

Комбат не сомневался, что если вдруг закинут батальон в горячую точку, то у него уже имеются в наличии и разведвзвод, и надёжный тыл, и мародёры не без понятий Робина Гуда – словом, все, все, все, как в мультике про Вини Пуха. Только в разговоре с ВМО Джалилов мог позволить себе расслабиться и даже пожаловаться на службу, не опасаясь, что подчинённые обнаглеют до панибратства. Вот и сегодня:

– Проверка на носу. Генералы нагрянут, лампы гребанные. Подкрасить, подбелить бы казармы – так ведь нечем. В парке на двух гашэшэ¹⁰ аккумуляторов нет...

Не станем приводить весь список необходимых запчастей и материалов, перечисленных комбатом личной гвардии. С быстротой спецкоров последняя шеренга, состоявшая из «слонов», заносила в блокноты каждое слово подполковника Джалилова, по доброй традиции округляя неточные количественные данные по требуемой краске, замазке, извести, листов ДВП до большей величины. Поставленные задачи (на сленге учебки – деляны) были не по силам целому батальону, но комбат не сомневался, что «обоз» с его обширными связями и воровским талантом достанет всё, что надо. Выменяют, выпросят, выбьют, украдут, выиграют в карты, конфискуют, купят. Словом, к самому чёрту нагрянут на бутылочку «беленькой», но всё принесут, потому что они – последняя инстанция, в которую обращается батя, когда его честь висит на волоске. Пока вечно озабоченные «слоны» строчили в блокнотах, «черпаки» и «деды» составляли план действий. Последний забудыга из ВМО теперь знал, что после того, как комбат распустит взвод, вступит в силу сухой закон, и горе тому, кто нарушит правило: «Ни капли в рот, когда „обоз“ выступает в поход». На офицерском совещании подполковник Джалилов бросит: «Гвардия на чрезвычайном положении в течение пары-тройки дней, плюс сутки отдыха на зимних квартирах». Если перевести эту фразу на гражданский язык, то получится примерно следующее: «Взвод будет отсутствовать столько, сколько нужно. С этой минуты для ВМО никаких проверок, разводов и прочего. Когда выполнят поставленные задачи, запереть их в каптёрке на двадцать четыре часа. Двадцать четыре часа – понятие растяжимое. Растяжимое до тридцати шести часов. Дайте оболтусам проспаться, а то выйдет, как в прошлый раз, когда полупьяное стадо вывалило на плац в 6:15, взяло в заложники трусившую мимо собаку и потребовала гасконский берет Боярского на дембельскую парадку рядовому Буянову. Благо, не одряхлевшую Констанцию чёрт знает какой выдержки. Благо, тогда я присутствовал на подъёме лично». Вот такой получился нелакониный штатский перевод.

Ох уж эта мне Всемирная история! Прямо никуда без неё. Редкий автор не любит нырнуть в марианскую глубину веков. Золотые слитки прошлого покоятся под толщей Леты, и многие писатели при случае так и норовят покопаться на дне реки времени и забвения, чтобы выудить из ила какого-нибудь Гомера и по щекам отхлестать цитатами из «Илиады» самоуверенного собеседника. Ваш скромный слуга не является исключением из правил. В плане «порыться в истории» он ненасытен до обжорства. Пусть гурманы вкушают римского Цезаря и запивают его кардиналом Ришелье, а мы привыкли лопать простую гречневую кашу, но досыта. Чтобы не наскучить читателю, постараемся быть краткими, как полковник Путин, который служил Отечеству президентом в том же самом году, что и солдаты второго мотострелкового. Итак, если провести исторические параллели, то бойцы из ВМО были очень похожи на махновцев. И пусть наши анархисты из «обоза» никогда не сбрасывали каких-то там «красных» и «белых» с коней и со счетов, зато все они от первого до тринадцатого солдата были такими же свободными (насколько это было возможно), как и хлопцы батьки Махно. А комбат второго мотострелкового батальона так ни разу и не назвал чёртову дюжину махновцами. Ни разу, вот вам крест! Автор полгода служил в «хозбанде», между Юрой Питерским и Колобком на разводах стоял и наслышался в адрес родного ВМО всякого, но заветного слова «махновцы» от Джали-

¹⁰ Газ-66 (арм. сленг)

лова так и не дождался. Теперь историческая справедливость восстановлена. Всё – проехали!
И поехали дальше.

Глава 3

Минуло два месяца...

Рядовой Герц, горожанин, заметно сдал, но не сдался, хотя очень устал от недосыпаний, недоеданий, избиений, издевательств, унижений, занятий, нарядов, работ, приказов, людей и даже от самой усталости.

Тяжёлые условия службы повлияли на сильное переутомление солдата лишь отчасти. Он был крепким парнем, только не как тот вековой дуб, который никогда не поклонится урагану и в какой-то момент разгула стихии может оказаться вывороченным из почвы прямо с корнем. Нет, не на дуб, а на тот гибкий саженец берёзки походил Герц, который под порывами сильного ветра всегда прикинется к земле, но сломаться – не сломается, вырваться – не вырвется.

Устал Герц в большой степени по собственной вине. Его вымотали наблюдения за людьми, характеры которых он стремился постичь в совершенстве, чтобы не нажить врагов, приобрести друзей и быть на хорошем счету в батарее. В течение двух месяцев он детально изучал поведение солдат в разных ситуациях, выявлял сильные и слабые стороны товарищей и как бы невзначай расспрашивал сослуживцев обо всём на свете. «Фейерверкеры» как бы превратились для него в живые книги, которые он за неимением времени решил проглотить залпом, можно сказать, артиллерийским. За короткий срок вся батарея оказалась в голове парня, как когда-то Иона в чреве у кита. Так как все произведения, – названные для удобства по фамилиям сослуживцев по типу «Обломов», «Рудин» и т. д., – проглатывались быстро и одновременно, Герц после прочтения не мог пересказать ни одного сюжета, но его это нисколько не удручало. В первоочередную задачу книголюба входило усвоение главных идей пятидесяти живущих с ним рядом произведений, и он с этой задачей, как ему казалось, полностью справился. Что ж – всякий литературный герой имеет право на свою точку зрения, за которую мы не несём никакой ответственности. Автор же считает, что плод его воображения справился с поставленной целью только наполовину. Почему «наполовину»? Во-первых, некоторые книги были нашим героем прочитаны, но не поняты или поняты неверно. Во-вторых, кое-кто из бойцов включал в себя два тома, а не один, как мнилось Герцу. В-третьих, иногда парень читал фальшивки, грамотно выдаваемые за правду. В-четвёртых, абсолютно все солдаты продолжали жить и, стало быть, писаться дальше; при этом сюжетные линии книголюдей из-за ежедневных превратностей армейской службы порой совершали такие крутые повороты, в которые не вошёл бы и гонщик Шумахер, а не то, что солдат Герц. Несмотря на всё это, за прошедшие два месяца службы книгочей понял о сослуживцах очень многое, потому что даже скучные или не стоившие внимания произведения он читал с интересом, стараясь разглядеть факт эпохального значения даже за ненавистью одного из батарейцев к запаху опалённой свиной щетины. Герцу казалось, что абсолютно от каждого данного напрямую зависит его выживание. Напряжённо читая и размышляя над прочитанным, парень не мог нарадоваться на то обстоятельство, что, слава Богу, в батарее в основном служили простые ребята, представлявшие собой бесхитростные рассказы, которые он не только легко понял, но и полюбил. Попадались ему и плохие романы, и хорошие миниатюры, и весёлые повести, и грустные новеллы, и всякая чушь вроде справки из психиатрической клиники, повестки в суд или телефонного справочника, – словом, чего только не попадалось.

Наблюдения, опросы и эксперименты, скрытно проводимые Герцем в батарее, приносили свои плоды – пусть пока неспелые, но обещающие со временем дозреть до глубокого понимания духовной организации сослуживцев. Парень не сомневался, что рано или поздно он проникнет в сердцевину всех товарищей без исключения и на основе тонкого, как просфора, психоанализа построит с ними нормальные отношения и заслужит уважение. Суровые условия службы во многом облегчали ему работу; истинная сущность людей, ежечасно попадавших в тяжёлые

ситуации, вскрывалась так же быстро, как труп под ножом опытного патологоанатома. Психологический анализ плюс выработка оптимальной линии поведения для батареи в целом и для каждого солдата в отдельности – вот два кита, на которые сделал ставку Герц, потому что ничем другим взять бы не смог. Он ничего не умел и был плохо приспособлен к жизни. Парень не обладал геркулесовой силой, не владел практическими навыками и умениями, не блистал на занятиях по военному делу, поэтому с первых дней службы стал рассчитывать только на свой ум. План Герца по нахождению подхода к товарищам работал, но сама работа выматывала так, что ему казалось, что он разгружает мозгами вагоны с цементом. Парень устал от тонкой дипломатии и виртуозного лавирования.

– Склеиваюсь, – всё чаще стал думать Герц. – Если не выплыву хорошенько, то скоро моя независимость перерастёт в заносчивость, общительность – в назойливость, подчинение – в угождение и заискивание, беспристрастность – в отчуждённость... Выспаться... Надо выспаться.

Рядовой Павлушкин, деревенский парень и сосед рядового Герца по тумбочке, тоже устал, но как-то приятно; так устаёт сельский труженик во время сенокосной страды, по окончании которой он твёрдо уверен в том, что его корова протянет зиму, а значит, семья будет с молоком.

Тяжёлые условия службы почти не повлияли на физически крепкого и морально здорового Павлушкина. В отличие от Герца он вообще не думал о том, как бы приспособиться к новым условиям, а сразу стал жить мужиком. Понятие «мужик» Павлушкин заимствовал у знакомых деревенских парней, отсидевших в зоне. С первых дней службы парень не водился со слабыми, с достоинством прогибался под сильных и старался сохранять по отношению к товарищам дружелюбную независимость. Как деревенская лошадь, – не знающая другой жизни, кроме однообразного и тяжёлого труда, – без особой радости, но и без какой бы то ни было грусти впрягся Павлушкин в телегу воинской службы и потащил её к дембелю.

Устал Павлушкин из-за того, что его стали нагружать дополнительно. На личную просьбу какого-нибудь сержанта сделать что-нибудь, Павлушкин отвечал коротко: «Это можем». Парень действительно умел делать многое, а если что-то и не умел, то всё равно с каким-то весёлым азартом брался за незнакомую работу и выполнял её на редкость качественно, разве что иногда с оттяжкой по времени. С каждым днём заказов становилось всё больше и больше, а рук у Павлушкина не прибавлялось. Парень долго думал, как бы справиться с ситуацией, и в конечном итоге пришёл к выводу, что надо набрать себе подмастерьев. Помощников он, однако, не взял. Взвесив все «за» и «против», Павлушкин сказал сам себе: «Время на обучение только потрачу. Одни будут тупые. Другие сделают вид, что тупые; кому охота дополнительно вкалывать. Третьи научатся, но станут делать работу, как не для себя». Не успокоившись, Павлушкин даже немного посердился в душе на ещё несуществующих других, которые будут делать вид, что они тупые. Третьих же, которые, выучившись ремеслу, станут делать работу, как не для себя, парень мысленно покрыл матом так, как покрывают овцематок кастрированные бараны – с мучительным удовольствием и без последствий. Пришедши к выводу, что набирать подмастерьев не стоит по определению и что количество рук нельзя увеличить по природе, парень решил, что выход из сложившейся ситуации можно найти в продлении дня за счёт ночи. Сержанты были не против продлёнки, и Павлушкин стал работать всякую сапожную, портняжную, столярную и прочую работу после отбоя. Шестичасовых и четырёхчасовых отрезков положенного восьмичасового сна курсанту вполне хватало, пока сержанты не обнаглели. Не скупясь на похвалы, они разрекламировали Павлушкина на всю бригаду и стали брать плату за сделанную им работу в соответствии с затраченными на раскрутку языковыми средствами. Цены на изделия и ремонт «От Павлушкина» росли не по дням, а по часам. Через три-четыре недели после начала рекламной кампании один из заказчиков осмелился сказать, что с него дерут немилосердно, на что сержант Кузельцов резонно возразил: «Не только за каче-

ственную работу платить надо, за бренд тоже; так теперь везде». Заказчик хотел было возразить, что бренду всего-то около месяца от роду, но Кузельцов опередил: «Раньше клиента затравливали, марку раскручивали, а сейчас не надо. Валом заказы прут. Бренду восемнадцать лет, мы выкупили его у гражданки». На этом разговор и закончился.

От вала заказов, близкого к девятому, Павлушкин перестал справляться. Его начали бить. Чтобы выправить ситуацию, он стал лавировать. Однако маневры не помогли. От напора на количество сделанной работы проигрывало качество и наоборот.

– Так-то ничё вроде, но не доеду до дембеля, если сутки через двое на износ вкальвать буду, – стал подумывать Павлушкин. – Выспаться бы. Неделю нормально посплю – и вывезу.

Положенного восьмичасового сна первое отделение АРТ взвода лишилось неделю назад, потому что командир этого отделения, сержант Кузельцов, заболел бессонницей, и эта зараза, – словно упавшее на поле боя знамя, – сразу была подхвачена всеми его непосредственными подчинёнными, не исключая посредственных: слабосильного Семёнова и забитого Календарёва. Страшный недуг не уложил заболевших солдат в постели, а, напротив, в продолжение целой недели поднимал их с коек сразу после отбоя – поднимал, уводил в курилку и заставлял беседовать с сержантом до самого утра. Болезнь точно приняла бы характер эпидемии, если бы Кузельцов был «дедом», который в армейской иерархии является чем-то вроде Великого Князя. Но сержант был «черпаком», то есть удельным князьком, имеющим право хозяйствовать только в своих владениях.

– Достал, блин, – мотнув головой в сторону сержанта Кузельцова, тихо обратился Павлушкин к Герцу за обедом.

– И меня достала это бдительность неусыпная. Мы с ног валимся, а ему хоть бы хны.

– Не о том я. Снотворное, говорю, достал.

– Иди ты.

– В натуре говорю.

– Доза?

– Лошадиная.

– Не убить бы.

– Куча народа только спасибо скажет.

– Мать его не скажет.

– Ладно, не бойсь. Передоза не сделаю. Пускай живёт и лямку тянет, гнида такая.

– Да, пусть живёт. Ему тоже тут не сахар. Взводный ему регулярно лицо поправляет.

– Герц, я как с бабой пересплю, когда взводный его долбит.

– А я тебе даже не скажу, какие у меня ощущения, когда он в замес попадает...

Но вообще-то Кузельцов справедливый.

– Вообще-то да... Жёсткий, но справедливый. Армейка – не детсад.

– Он раб системы, Павлуха. Как и мы с тобой. Нагнали пацанов со всея Руси. Наглых, жадных, весёлых, добрых, скучных, грустных, дерзких, умных, глупых, всяких. Даже страшно, каких всяких. И всех надо заставить подчиняться. Самый простой способ – насилие. На другие способы у сержантов нет времени.

Кто бы мог подумать, что два молодых артиллериста, Павлушкин и Герц, станут героями России, единственной наградой которых станет полноценный восьмичасовой сон. Между тем это было так. Они не взяли занятую противником господствующую высоту, зато взяли и подсыпали снотворное собственному сержанту и тем самым спасли трёх товарищей по отделению от разных напастей: рядового Семёнова – от самоубийства, рядового Куулара – от убийства, рядового Календарёва – от самовольного оставления части.

Кузельцов уснул не сразу. Пятнадцать минут он зевал, открывая рот, как бегемот. Долгожданная вялость, разлившаяся по телу, привела сержанта в благостное расположение духа, и он

не преминул поделиться хорошим настроением с беднягой Семёновым, лежавшим на соседней койке.

- Сосед, – позвал Кузельцов.
- Я, товарищ сержант, – захопал глазами Семёнов.
- Спишь?
- Так точно.
- Чё врёшь? Кто со мной тогда базарит, если спишь?
- Так я это...
- Упор лёжа принять, – вяло перебил Кузельцов.
- Есть, – вздохнул Семёнов.

Пока Семёнов отжимался рядом с кроватью, Кузельцов разговаривал с ним, как добрый барин с крепостным.

– Ну и дауны вы у меня, – сокрушался сержант. – У всех «духи» как «духи», от вас же никакой пользы, убытки одни.

– Мы стараемся, – приняв позу тюленя и преданно округлив глаза, подобострастно произнёс Семёнов.

– Отжимайся давай, старатель. Стараются они. Вон у Ахминеева – те стараются, а вам бы только пожрать да поспать.

– Товарищ сержант, да Вы для нас. Вы только скажите, а мы уж...

– Скажи ещё, что горы свернёте.

– И свернём, и свернём, товарищ сержант.

– Шею, смотрите, не сверните... Звания выучил?

– Так точно.

– Кто после сержанта идёт?

– Товарищ старший лейтенант.

– Попробуй ещё.

– Товарищ младший прапорщик.

– Последняя попытка.

– Сейчас, сейчас, сейчас, – затягивал время Семёнов, разрываясь между старшиной и майором. – Сержант, а за ним, за ним...

– Ну кто?! Кто?! – не вытерпел Кузельцов, и переживание за знания подчинённого промелькнуло в его голосе.

– За сержантом обязательно кто-то идёт, – затараторил Семёнов, не забывая скрашивать свою забывчивость высокой скоростью и качеством отжиманий. – Нельзя, чтоб за ним никого не было. Это же не генерал какой-нибудь. Сейчас, сейчас, сейчас...

– Старший сержант, даун, – оборвал Кузельцов.

– Не подсказывайте!!! – замерев и выпучив глаза, иступлённо зашептал Семёнов. – Я сам знаю, что за сержантом идёт старший сержант! Старший сержант Саркисян! Замкомвзвод! И он не даун! Он Ваш лучший друг!

– Да ты совсем страх потерял, «душара».

Кузельцов сел на кровать и стал охаживать Семёнова тапком по голове.

В это время через проход между кроватями шёпотом переговаривались Герц и Павлушкин.

– Не спит, – сказал Павлушкин. – Семёнова опять драконит.

– Я двенадцать зевков насчитал, – ответил Герц. – Зря старались, наверно.

– Не бойсь. Скоро уже. Доза лошадиная.

– Кузельцов тоже вроде немаленький.

– Не бойсь, говорю.

– Семёнова жаль, Павлуха... Впрячься¹¹ за него что ли?

Герцу совсем не было жаль Семёнова. Он просто сказал то, что считалось правильным в общечеловеческом понимании. Его решительности действительно хватило бы на то, чтобы заступиться за товарища. Он не вмешался, но всё-таки если бы так случилось, то в этом поступке была бы львиная доля эгоизма по следующей причине. Глубокая и широкая душа Герца, похожая на реку Волгу, под воздействием безнравственной среды часто мелела и заиливалась. Это приводило к ухудшению не только морального, но и физического состояния. В очередной раз сделать такую нематериальную субстанцию, как душа, глубокой и широкой, поднять, так сказать, уровень воды в ней до привычной отметки для улучшения собственного самочувствия можно было только одним способом – совершением хорошего поступка. Так и действовал парень. Действовал и переживал, что за внешней чистотой его поступков стоит внутренняя грязь, за альтруизмом – меркантильность. Переживал и успокаивал себя: «Хоть так, другие так вообще никак». Армия переместила работу курсанта над внутренним «я» в ещё более мерзкую для него область. Например, в случае с Семёновым парень с отвращением ощутил, что он уже не столько хочет восстановить силу души, сколько желает вырасти в глазах батареи. Но даже не это было самым страшным для Герца. Самым страшным было то, что он собирался вмешаться лишь наполовину – другими словами не накинуться на Кузельцова с кулаками, а хоть и твёрдо, но с уважением в голосе (нет, с завуалированным подобострастием!) попросить истязателя оставить беднягу в покое. Это для Герца. Для автора, который знает своего героя как облупленного, самым страшным было другое. В неосвещённых уголках души, в которые Герц боялся заглянуть даже с факелом, он оправдывал насилие по отношению к себе и к другим по всем статьям. Только поэтому и не вмешался на самом деле. «Чтобы обабившийся мужчина поднялся на прежние высоты, ему необходимо переступить через свою и чужую боль. Как на войне. А на войне как на войне» – вот что увидел автор, посветив фонариком там, где следует.

– А мне не жаль, – честно ответил Павлушкин и стал объяснять Герцу очевидное для обоих: «Семёнов сам тупит, два месяца звания выучить не может. Между прочим, из-за этого дневальным не он заступает, а ты. Ты же знаешь чё-кого, кому на тумбе „смирно“ кричать, кого посылать подальше, а Семёнов прапора от унитаза отличить не может. Кузельцов его не грохнет, поучит жизни децл и всё. Если чё, Кузельцов сейчас вообще отрубится, и спи спокойно, Семёнов».

– Всё-таки нельзя так, – из самолюбивого упрямства не сдавался Герц, прекрасно понимая, что товарищ прав. – Нельзя, – слышишь? Нельзя, чтоб...

– Осади!¹² – резко зависнув над проходом между кроватями, зло перебил Павлушкин. – Ты кого из себя строишь? Запихай своё геройство в одно место. Сержик¹³ отрубится сейчас, а этот в герои лезет. Давай, давай – подставь всех!

Кузельцов услышал разговоры в отделении. Он прервал экзекуцию над Семёновым и швырнул тапок наугад. Традиционно не повезло курсанту Попову, который внешностью и походкой изрядно смахивал на киношного Робокопа. Парень вообще был странным. Им целиком и полностью владели две, казалось бы, несовместимые страсти: компьютеры и свиньи. Между тем всё объяснялось просто. Когда Попову было восемь лет, его родители развелись. «Уматывай в деревню к своей мамаше!» – крикнул отец напоследок. Мать тихо молвила в ответ: «Чё ж делать – поеду. Оставайся в городе, твоя ж квартира, а Ванюшку я с собой забираю. Он тебя часто навещать будет, сыну без отца нельзя». Обожая мать, мальчик с первого дня в селе стал заботиться о ней через ухаживание за единственным источником их семей-

¹¹ Заступиться (сленг)

¹² Успокоиться (сленг)

¹³ Сержант (арм. сленг)

ного дохода – свиньями. Презируя отца, Ванюша начал игнорировать его через круглосуточное сидение перед монитором с первого же гостевого выезда в город. Прошло десять лет, и любовь к матери стала неотделимой от свиней, ненависть к отцу – от компьютера. Ну да мы отвлеклись. Тапок с лёту наступил Попову на щеку, раздавил на ней парочку прыщей, – свидетелей затянувшегося переходного возраста, – и виновато юркнул за козырёк чей-то кровати. Правая половина лица курсанта загорелась, но он и бровью не повёл. Попов претворился убитым наповал, по опыту зная, что сержант не любит раненых и всегда добивает их вторым тапком.

– Кто базарил? – задал вопрос Кузельцов.

...Тишина...

– Я спрашиваю, кто базарил?

...Было слышно, как в углу казармы паук плетёт паутинку...

– Последний раз спрашиваю.

...Перхоть, посыпавшаяся на подушку с головы замкомвзвода Котлярова, произвела грохот, подобный камнепаду...

– Я ща всё отделение подниму и начну выбивать показания.

...Какая-то молекула шарахнулась с плитуса на пол и наделала много шуму...

– С этого дня не жрёте, не спите, не курите.

...Курсанты первого отделения АРТ взвода впервые в жизни явственно слышали голоса совести Павлушкина и Герца. Голоса были натурально бабскими...

– Ну всё, обезьяны! В отличие от других я никогда не тянул с вас деньги. Забыли. Через три дня каждый приносит мне по косарю.¹⁴ Можете рожать кассу¹⁵ скопом, можете по отдельности. Мне всё равно. Не успеете в срок – включаю счётчик.

Голоса совести Герца и Павлушкина начали ломаться и грубеть...

– Это я говорил, – поднявшись с кровати, произнёс Герц.

– Это самое, – замялся Павлушкин. – В общем, мы вдвоём, товарищ сержант.

Кузельцов удовлетворённо зевнул. Через три секунды рядовые стояли перед сержантом. Несмотря на то, что все трое были одеты в одинаковое армейское нательное бельё – «белуху» – не составляло никакого труда определить, кто здесь «дух», а кто – «черпак». Кальсоны и рубашка Кузельцова были того кипенно-белого цвета, который можно смело помещать под стеклянный колпак как эталон. Всякая солдатская вошь обходила стороной нательное бельё командира первого отделения АРТ взвода, чтобы не ослепнуть от белизны и не задохнуться от чистоты. На «белухе», плотно облежавшей фигуру сержанта, не было ни одной незапланированной складки. Если же таковая появлялась, то она сразу самоуничтожалась, чтобы не портить собой окружающий мир, в котором в мизерном количестве имели право водиться только запланированные складки.

«Белухи» Герца и Павлушкина можно было смело переименовать в «грязнухи». После очередной бани, в которой курсантам по заведённым правилам выдали чистые комплекты нательного белья, Герцу досталась краснуха, а Павлушкину – желтуха. Читатель, не волнуйся. Речь не о болезнях. Просто на рубашке Герца, длиной рукавов походившей на свою смирительную сестру, розовели восемь пятен различной величины. Это была обесцвеченная банно-прачечным комбинатом кровь третьей группы отрицательного резус-фактора, принадлежавшая пехотинцу Хрулёву, который отказался стирать носки «деду». Кальсоны Павлушкина, – напоминавшие то ли полуштаны, то ли недошорты, – носили на себе бледно-жёлтые следы в области паха. Это была плохо отстиранная моча автомобилиста Бирюкова, который невыносимо хотел в туалет, но пост не оставил.

– Вняйсь, смирно, – сонным голосом произнёс Кузельцов.

¹⁴ Тысяча (сленг)

¹⁵ Деньги (арм. сленг)

Герц и Павлушкин по команде сержанта предстали перед нами сначала в профиль, потом – в фас. Самое время более подробно описать их внешность и внутренность.

Илья Павлушкин родился в сибирском селе Шушенское, в котором в своё время отбыл сытную ссылку Ленин. Мальчика нарекли Илюшей в честь отца вождя мирового пролетариата, потому что имя Володя было уже занято старшим братом. В отличие от подавляющего большинства своих безразличных к политике сверстников, Павлушкин был убеждённым коммунистом с детства. Ему было плевать на КПСС и на КПРФ, он не имел ни малейшего представления об истории и программных положениях этих партий, зато всем сердцем любил Владимира Ильича, который подарил ему и многим маленьким шушенцам счастливое детство. Подарки, сувениры и сладости, которые мать, служащая ленинского музея, таскала с работы, вручались маленькому Илюше со словами: «Нынче делегация приезжала... Это тебе, сыночка, от дедушки Ленина. Вырастишь – будешь коммунистом, как он». Павлушкин жить не мог без улицы с её играми, проделками и драками. Только кнут и лютый мороз могли загнать его домой вовремя. Учился он плохо, но в одном классе два года не сидел, чтобы быстрее окончить девятилетку и забыть о месте расположения школы.

Что касается внешности Павлушкина, то природа покумекала и решила, что раз её дитя будет обитать не в райских кущах, а копаться в навозных кучах, то лицу ему иметь ни к чему. Роба – вот на чём остановилась природа, и употребила все силы, чтобы сельхозпродукты, которые произрастали в окрестностях Шушенского, нашли достойное место на голове парня. Там, где у всех растут волосы, у Павлушкина колосилось пшеничное поле; к слову, осенью 2004-го армия собрала рекордный урожай с черепа призывника. Нос у него был, что называется, картошкой. Второй хлеб не раз пытались откусить в деревенских драках, но он, – как репка вплоть до прихода мышки, – не поддавался, потому что, вероятно, крепко держался какой-нибудь не видной глазу ботвой за щёки, покрашенные под спелый помидор. Вместо подбородка у Павлушкина была массивная огуречная попка, аккуратно отрезанная природой от светло-коричневого семенника. Внизу огуречной попки имелась довольно привлекательная ямка, вероятно, силосная, в которой, правда, ни разу в жизни не заквашивались ни листья, ни стебли, ни прочая питательная для скота чепуха. Однако, при всей своей, на первый взгляд, ненужности, ямка никогда не зарастала никаким бурьяном, потому что каждое утро трудолюбивый парень прохаживался по ней с какой-то косою. Спрашивается, для чего? Известное дело, читатель. В эту ямку то и дело любили падать особи женского пола, многие из которых вообще падки на всякое мужественное углубление. На мир Илья глядел не глазами, а зелёным горошком, купавшимся в яичном белке. Вместо ротовой полости у Павлушкина была табачная грядка, удачно перебивавшая запах посаженного рядом с ней лука.

Павлушкин был с ног до головы деревенским. Из поколения в поколение негласные сельские традиции требовали, чтобы парень в молодости пил, куражился, буянил, дрался, шутил, воровал, разбивался на мотоцикле, портил девок и обязательно отслужил в армии. Павлушкин не был ниспровергателем основ и строго следовал деревенским канонам. Нравственность у Павлушкина была хоть и с плесенью, зато вкусная, как голландский сыр с этим микроскопическим грибочком. Если он крал, то делал это не ради наживы, а для адреналина. Если буянил, то не по злобе, а для форсу. Если врал, то красиво и с юмором. Если портил девчонок, то на восемьдесят процентов делал это из желания быть настоящим мужиком, сила и доблесть которого, как говорили все по кругу, во многом заключается в умении доставить удовольствие женщине в интимном плане. В общении по-деревенски открытый и простой Павлушкин был лёгок и светел, как мыльная опера, и люди любили его. В армию он пошёл не для выполнения долга перед Отечеством, а, как и многие его сверстники, – чтобы проверить себя. Словом, Павлушкин был весёлым плутом с изощрённым практическим умом и добрым сердцем.

Александр Герц родился в Красноярске на правом берегу Енисея в семье либеральных рафинированных интеллигентов. В детстве он много времени проводил за книгами и был

счастлив от соприкосновения с интересными знаниями и ещё более интересными вымыслами. При помощи авторов научной и художественной литературы Герц перебивал всюду и везде, а иными героями и в иных местах даже дважды и трижды. Однако на верность библиотеке он не присягнул, потому что не меньше книг любил футбол, хоккей, казаки-разбойники, салки и прочие игры на свежем воздухе. Саша общался со сверстниками легко и просто, как пёрышко графомана с листиком бумаги, но специально встреч с товарищами не искал. Они были ему нужны скорее в качестве напарников для игр, чем в качестве друзей. В школе он учился отлично, но иногда устраивал на уроках намеренные провалы, чтобы не прослыть ботаником.

Внешность юного Герца нравилась девушкам с разными, порой, диаметрально противоположными вкусами, следовательно, он был не симпатичным и даже не красивым, а универсально прекрасным, как Аполлон. Однако правильным чертам его лица недоставало живости. Безупречному греческому профилю Герца всякому человеку хотелось крикнуть «фас», чтобы хоть желваки, словно прицепленные к скулам собаки, активно забегали туда-сюда. Любая эмоция, которая появлялась на его физиономии, являлась недоношенной, как семимесячный ребёнок; в этом плане Герц напоминал Электроника из советского фильма. Выжить эмоциям помогали глаза, смотревшие гордо, правдиво и смело.

Душа и характер Герца были сложными, как сопромат, и противоречивыми, как социалистическая идея и её последствия. Мысли, которые никому другому и в голову не могли прийти, к нему наведывались часто и, как правило, оставались с ночевкой, чтобы парень за раздумьями не мог заснуть до утра. Нравственность у него была похожа на новенькие брюки мальчишки-сорванца, которые ежедневно мараются, стираются и... не успевают заноситься до дыр, потому что малыш быстро растёт, и ему требуются новые брюки. Окружающие часто не понимали Герца, упрекали его в излишнем самолюбии, но уважали за тягу к правде и справедливости. В армию он пошёл после окончания юридического университета, чтобы послужить Родине. Словом, Герц был серьёзным человеком с глубоким теоретическим умом и рефлексирующим сердцем.

– Урою, душары, – произнёс Кузельцов, потягиваясь и зевая. – На очках¹⁶ сгною.

Герц и Павлушкин тоскливо переглянулись.

– Всё, что угодно, товарищ сержант, но на очки не пойдём, – решительно сказал Герц.

– Всего-то двумя словами перекинулись, – непринуждённо произнёс Павлушкин и даже весь как-то просиял, что не одним, товарищ сержант, не тремя, а в аккурат двумя словами мы перекинулись с Герцем, как это, весьма вероятно, и положено по уставу. – Да и по делу ведь, а не просто так. Обсуждали просто с Герцем, чем завтра Вас на дежурстве кормить. По батарее ведь заступаем. Герц базарит: «Пельмени сварганим». А я в штыки: «С фи́га ли пельмени, когда вареники». Он мне: «Начинка должна быть мясная, а не пюре в тесте». Это Герц так вареники, товарищ сержант, обозвал. Ну не дура ли?

– Оба лупни, – находясь на полпути к сонному царству, пробормотал сержант. – Котлеты. Прощены. Отбой.

Кузельцов уснул. Уснуло и его отделение. Вся батарея дрыхла. И как они это делали! Как кони, читатель! Прямо жаль, что солдаты спали и не могли оценить всю прелесть отдыха. Бойцы-кентавры всхрапывали, портили воздух, некоторые из них даже мочились под себя, как это без малейшего стеснения делают всякие здоровые лошади, а иные ломовые курсанты в сладостном забытии вообще разбрасывали копыта в стороны и лягали скаковых сержантов, лежавших по соседству.

Герц, однако, уснул не сразу. Сначала он пригласил к себе в голову Павлушкина и свою одухотворённую студенческую подругу Наденьку Снегирёву для мысленного диалога.

– Балабас принесла? – с ходу спросил Герц. – Это еда по-нашему.

¹⁶ Туалет (арм. сленг)

– Саша, ведь не хлебом единым, – ответила Наденька с осуждением, увидев, как принесённые ей продукты без пережёвываний понеслись в курсантские желудки по горловым желобам со скоростью бобслеистов.

– Правильно, – с набитым ртом, выдал Павлушкин. – Конечно, не хлебом единым. Сальца бы ещё с прослойками. От круглой картошечки, замаскированной сверху зелёным лучком, тоже не откажусь.

– Я совсем другое подразумевала, мальчики.

– Котлеты, наверно, – сказал Павлушкин. – Не стоит беспокойства. Сальца бы только для смазки пищевода, а то хлеб застревает.

– Саша, пожалуйста, объясни Илье, что я имею в виду, – произнесла Наденька. – Так же нельзя.

– Никак нельзя, – согласился Герц. – Павлуха прав, что без сала прямо беда.

– Какие же вы все тут, – не выдержала Наденька.

– Неприхотливые, – продолжил Герц и... провалился в сон.

Павлушкин тоже уснул не сразу.

– Ничего вроде денёк, средней паршивости сутки, – подводил итоги Илья. – Только зря Семёнову сегодня пачку сигарет подогнал. И откуда жалость взялась? Ведь трезвый вроде был. Как стекло. Да потому что он совсем уже оборзел, в толчок ночью сходить боится! И ведь страх-то у него какой-то неоформленный, неконкретный какой-то.

– Чего боишься? – спрашиваю. – Темноты? Чертей? Полевого командира Басаева?

– Не знаю, – отвечает. – Боюсь и всё.

А я знаю?! И всё равно иду, провожаю его до сортира, как будто мне больше всех надо его журчание слушать. Боишься мочиться – не пей. Разбудит в следующий раз – так и скажу:

– Рисуй свой ужас на бумаге, чтоб я его в лицо знал. Если накалякаешь сержанта Литвина, то ко мне можешь больше не обращаться. При таком раскладе в штаны опорожняйся. Литвина сам боюсь. А если на листе получится какая-нибудь клаустрофобия, то мы её вместе из наших брандспойтов зальём. Перед отбоем побольше воды выдуем и зальём. На клаустрофобию всего-то литр мочи надо. Герца, если чё, подключим. Он мастер по таким заумным словам. Во заливают иногда!

А сигареты Семёнову подогнал, потому что он совсем уже офигел, вешаться собрался. Везде, говорит, засада. Жить, говорит, не хочу. Спокойно так сказал, как будто не на тот свет, а в магазин за хлебом собрался. Злость аж взяла. Типа, остальным тут сахар. Тоже мне перец выискался. Все терпят, и ты терпи. Подумаешь, сержант сигареты требует. До чего достало всё! Надо же: цена жизни – пачка сигарет. Не бойся, Семёнов. Я не я буду, если ценник на тебя не подниму. Завтра сержик скажет тебе достать две пачки – достану, три – достану, пять – со скрипом, но достану, блок – вот тут намыливай верёвку Семёнов. Блок сигарет – ничто для гражданки, а для армейки – миллион. Блок – реальная цена за человеческую голову, можно смело вешаться. Может, как до блока дорастём, и «духанка» кончится. А после «духанки» вздёргиваться уже необязательно. После «духанки» суицид в основном по глупости или из-за баб. А бабы не подведут, Семёнов их и не нюхал. Глупость – другое дело. Тут надо будет за ним присмотреть... Отбой.

Глава 4

Сорок пять секунд – батарея, подъём! – закричал дежурный, сержант Ахминеев, и включил свет в казарме.

Сорок два тёмно-синих одеяла одновременно взвились в воздух, на миг застыли в вертикальном положении и, обрушившись на козырьки коек, переломились надвое. Прошла ещё секунда, и в казарме раздался скрип потревоженных кроватных пружин. А ещё через секунду началось действие, которое бурят Ахминеев называл сменой времён года в период горения спички. Ахминеев был юмористом от Бога, однако, он бы искренне удивился, если бы кто-нибудь ему об этом сказал. Бывало, сморозит с ходу, не задумываясь, что-нибудь смешное, а потом вскинет брови в недоумении, не понимая, кто это сейчас выдал.

Курсанты, одетые в белое нательное бельё (по-ахминеевски – в зиму), в мгновение ока добежали до своих табуретов, на которых лежала форма защитного цвета, и занялись собственным вертикальным озеленением. При дежурном Ахминееве весна никогда не торопилась вступать в свои права, потому что где-то в середине апреля, – когда штанам уже положено быть на бойце, а кителю ещё на табуретке, – сержант имел привычку давать команду «отбой». Помня об этом, «духи» действовали грамотно. Они создавали бешеную суету в проходах между койками и отделениями, однако, дальше правой штанины дело у большинства не продвигалось.

– В марте толкёмся, да?! – крикнул дежурный. – Дневальные, тащи табуреты! Сейчас вы у меня попляшете! Сорок секунд – батарея отбой!

Пока ещё мирная зима...

– Тридцать пять секунд – батарея, подъём! Огонь!

Артподготовка. Первая военная весна...

– Тридцать секунд – батарея, отбой! Огонь!

Артобстрел. Первая военная зима...

– Двадцать пять секунд – батарея, подъём! Огонь!

Артподготовка. Вторая военная весна...

– Двадцать секунд – батарея, отбой! Огонь!

Артобстрел. Вторая военная зима...

– Сорок пять секунд – батарея, подъём! Огонь!

Третья военная весна... Курсанты Кузельцова попали под табуретный артобстрел последними в батарее. Жестокий огонь, перемещавшийся по казарме от первого отделения ПТУР взвода к первому отделению АРТ взвода, с каждым новым отбоем и подъёмом становился всё более точным. Слышались сдавленные стоны раненых.

Чтобы свести вероятность попадания по своему отделению до минимума, курсанты Кузельцова в отличие от своих товарищей по батарее натягивали на себя штаны весны не стоя, а сидя.

Кузельцов, смотревший телевизор на взлётке¹⁷, бросил мимолётный взгляд на своё отделение и никого не увидел.

– Чё-то я не понял, обезьяны! – крикнул он. – Вы где?!

– На полу, товарищ сержант! – откликнулся Павлушкин.

– Свистать всех наверх! – отдал приказ Кузельцов. – Нечего снарядам Ахминя кланяться! Вы у меня те ещё!

И ведь как мало надо молодому бойцу! Услышав от сержанта сдержанную похвалу в свой адрес, курсанты первого отделения АРТ взвода без раздумий поднялись в рост с мысленными шпалами в спинах, чтобы даже не получить ранение, а прямо погибнуть на глазах родного

¹⁷ Широкая дорожка, делящее спальное помещение на две равные части (арм. сленг)

командира. Они встали бы и без приказа. По просьбе. Без просьбы. От слов ободрения духов так распёрло от гордости, что Семёнов, получив табуретом по хребту, даже не вскрикнул. Он повернулся к Кузельцову и выдал порциями:

– Не больно... Ваше.

Ранение Семёнова по-спортивному разозлило курсантов первого отделения АРТ взвода. Они выпрямились до неприличия, развернулись лицом к пушке, харкавшей табуретами, и начали работать в парах. В минуты тяжёлых испытаний русский солдат быстро принимает решения. А на утреннем подъёме – даже не в минуты, а в минуту, у которой устав откусил пятнадцать секунд. У подчинённых Кузельцова, по которым прямой наводкой бил Ахминеев, включились внутренние резервы.

– Прикрой подушкой, Герц!.. Прикрой, Тува!.. Прикрой, Фаня!.. Прикрой, Календарь! – прозвучало четыре команды в четырёх проходах между койками.

Герц, Куулар, Фаненштиль и Календарёв стали первыми номерами. Они коршунами ринулись на койки, схватили подушки и заработали щитами-отражателями.

Вторые номера, спрятавшиеся за спинами товарищей, времени даром не теряли. Они одевались очень быстро, в два раза быстрее остальной батареи, чтобы выиграть драгоценные секунды для выставивших заслон напарников.

Павлушкин уподобился метеору, так как помнил, что у Герца с самого начала службы гнили три ключевых пальца, которыми осеняют себя крестным знаменем православные христиане. Эти персты, называемые старообрядцами кукишем, причиняли Александру жгучую боль при одевании, поэтому Илья торопился, как мог, чтобы выиграть для товарища как можно больше времени. Павлушкин нырнул с головой в расстёгнутый на две пуговицы китель так же уверенно, как когда-то нырял на гражданке в родную речку Шушь. Промашки не случилось. Через две секунды его ладони стремительно вынырнули из рукавов, а голова – из воротника.

– Меняемся! – бросил Павлушкин Герцу, по ходу обувая тапки (сапоги в казарме не носили).

От острой боли в гнивших пальцах Герц орал молча. В армии он выработал способность кричать беззвучно. Стенобитные орудия наступающих из горла воплей во время утренних подъёмов постоянно пытались проломить белый частокोल стиснутых зубов, протаранить бледно-розовые ворота плотно сжатых губ и вырваться наружу. Но безуспешно. Герц внушил себе, что можно с успехом кричать внутри себя, и делал это с такой самоотдачей, что натурально глух.

На подъёмах Александр прибежал в строй одним из последних, но всегда вовремя. Он переживал по этому поводу, но сейчас вдруг понял, что ему не будет равных, когда пальцы, наконец, заживут. Молчаливый крик радости после неожиданного избавления от комплекса неполноценности разнёсся по казарме. И ведь во внешнем мире ничего не изменилось. Всё так же гнили пальцы, но гнили они уже на радость Герцу, а боль в них парень начал воспринимать как справедливую компенсацию за будущие триумфы. Александр даже захотел соединить здоровые и больные персты вместе, поцеловать эту пятерню и со словом «вах» раскрыть собранный бутон, как это делают грузины. Однако красивого жеста, которым сыны гор выражают восхищение женщинам или мандаринам на своём прилавке, не последовало, потому что пальцы были брошены в пекло одевания на время.

Пять секунд до времени «Ч». Батарея полуодета. Бег на место построения.

Первое отделение устремилось в узкий проход между подпиравшей третий этаж колонной и кроватью рядового Бабанова из второго отделения. Это был кратчайший путь до места построения. Расстояние между колонной и кроватью – полтора солдата или, по словам батареи, один рядовой Калина до армии.

Первая пара, Капустин и Календарёв, просвистели мимо прижавшихся к козырькам коек Герца и Павлушкина, по правилам вождения обогнали слева Попова и Фаненштиля, по фут-

большим правилам поддели плечами выросших на пути Куулара и Семёнова, повернули во второе отделение и, развернувшись боком, одновременно вошли в проход между колонной и кроватью Бабанова. Сержант Ахминеев не дремал.

– Огонь, – скомандовал дежурный сам себе и сделал залп.

После попадания табуреткой Капустин раскрутился вокруг собственной оси, как юла, и рухнул. Об него зацепился ногой Календарёв и тоже распластался на полу. Неудачливые первопроходцы молниеносно закатились под кровати третьего отделения, чтобы не попасть под сапоги товарищей, мчавшихся следом.

Куулару и Семёнову тоже не повезло. Ахминеев зацепил табуретом обоих курсантов разом и уложил их на пол валетом червей. От боли парни потеряли ориентир. Один червяк по-пластунски пополз к месту общего построения, другой пресмыкающийся – в обратную сторону.

Следующую пару хранил Бог. На ней Ахминеев, вероятно, заряжал оружие. Попов и Фаненштиль протоптались по расплзавшемуся в разные стороны валету червей, благополучно добрались до взлётки и стали в строй.

Герц и Павлушкин пошли на прорыв, когда сорок пять секунд истекли двадцать секунд назад. Сержант Кузельцов крикнул им:

– Отставить время! Раненых не бросать!

Получив приказ, Герц упал на карачки, а Павлушкин присел на корточки, чтобы сравняться в росте с кроватьными сетками. В таких несколько недостойных русского воина, однако, безопасных позах друзья стали передвигаться по проходу. Собака Герц облаял забившихся под кровати Капустина и Календарёва, что, мол, вылезайте, а то укушу. Гусь Павлушкин пошипел на червей Куулара и Семёнова, что, мол, ползите шустрее, а то склюю. Или что-то в этом роде, читатель.

Не прошло и пяти минут после начала подъёма, а батарея, построившаяся на взлётке, уже истекла потом. Изнурённые солдаты переводили не только дух, но и стрелки убежавших вперёд внутренних часов, так как парням казалось, что прошла целая вечность после команды: «Сорок пять секунд, батарея, – подъём!» У кого-то была половина десятого, кому-то чудилось, что вот-вот позовут на обед, а паре-тройке курсантов представлялось даже, что за окнами стемнело, тогда как на улице ещё и не начинало светать. Не успели бойцы выставить свои внутренние часы на 6:05, как ходики начали отставать от реального времени.

– До сортира ещё далеко, Ахминеев ещё даже грудки пробивать не начал, – думали курсанты и переминались с ноги на ногу, регулируя тем самым давление в мочевых пузырях, чтобы, не дай Бог, не разговеться в строю.

Между тем до туалета было близко и по времени, и по расстоянию.

– ПТУР взвод – на очки! – крикнул дежурный.

Курсанты, не ожидавшие такого развития событий, замешкались. Их лица выражали примерно следующее: «Уж не ослышались ли мы? Пожалуйста, повторите, товарищ сержант».

– На очки – бегом марш! – повторил дежурный, и в его голосе прозвучало раздражение.

Тут курсантам надо было сразу срываться с места и бежать, бежать, бежать. Но они принялись глупыми улыбками благодарить Ахминеева за доброту и вопрошать у него взглядами: «А бить? Бить разве не будете, товарищ сержант? Как же так? Всегда ведь били».

– Стоим, значит, – спокойно сказал дежурный. – Ну всё тогда. Отставить туалет. Сейчас грудки пробивать буду.

От Ахминеева последовали строгие выговоры с занесением в грудные клетки курсантов. Духи стали роптать.

«Черпак» Ахминеев, лишивший батарею утреннего моциона, переступил опасную черту, но идти на попятную было уже поздно. Чтобы усмирить недовольную молодёжь, сержант начал раздавать такие удары, что в груди курсантов заухали совы. Духи кубарем летели на пол,

однако, тут же вскакивали, затыкали собой пробоины в шеренге и выпрашивали взглядами исподлобья:

– Ну давай, давай.

В каждом сержанте жил тонкий психолог, и Ахминеев на уровне подсознания начал вести себя так, как ведёт себя укротитель тигров на представлении в цирке. Дежурный видел, что «духи» зверели с каждой секундой, что достаточно одного неуверенного слова или неловкого движения с его стороны, и он утратит авторитет. Курсанты, конечно, не напали бы на него, но они запросто могли бы стартовать в туалет без спроса. Ахминеев шёл от человека к человеку молча. Перед тем, как нанести удар очередному «духу», сержант строго, но без ненависти смотрел подчинённому в переносицу, а потом по-хозяйски бил. Кулак Ахминеева молотом опускался на грудную наковальню курсанта только тогда, когда тот, скалясь, отводил налитые кровью глаза. Каждый раз – диалог без слов.

– Чё встал – бей, – дерзким взглядом говорил «дух».

– Без тебя знаю, что делать, – суровым взором отвечал Ахминеев и наносил удар.

– Всё равно отольём, – поднявшись, вздёргивал подбородок «дух», и в глазах его был вызов.

– Возможно, но ты за это ответишь персонально, – усмехаясь, слегка кивал головой Ахминеев и переходил к очередному курсанту.

То, что ситуация обострилась, чувствовали и другие сержанты, лежавшие на койках и внимательно следившие за развитием событий. Они прекрасно понимали, что Ахминеев зарвался, однако вмешиваться никто из них не спешил, потому что дежурному ничего не угрожало. Им было интересно, как Ахминеев выйдет из ситуации.

Партия клонилась к мату. Пешки постепенно прижимали короля к краю доски. Моча, накопившаяся за ночь в организмах курсантов, ударила им в головы, и они стали игнорировать боль от ударов, огрызаться взглядами и подводить дежурного к поражению одним доступным ей способом – психологическим давлением. От неминуемого позора Ахминеева спас замком-взвод Саркисян, бросивший:

– Руся, пусти их.

– Да ведь совсем офанарели, Армян, – ухватился Ахминеев за «деда», как за спасательный круг.

– Сделай это для меня.

– Ара, ты же знаешь, что им раз поблажку дай, и они на голову сядут.

– Уважь старика.

В батарею началась театральная спектакль по спасению дежурного.

– Обезьяны, упор лёжа принять, – скомандовал Ахминеев. – А то я за вашими туловищами Армяна не вижу.

– Чё хотел? – отозвался Саркисян, обозначившийся за полёгшими курсантами.

– А то, Ара, что я тебя уважаю, но не понимаю. Помнишь, ты о шевроне с бульдогом говорил, который на парадку хочешь, которого наша бригада после Чечни нацепила?

– Ну.

– Я достал его... Так вот забирай его себе, мне для тебя не жалко, а с «духами» я сам разберусь.

– За подгон – спасибо, а насчёт «духов»... Вспомни себя.

– На жалость меня взять хочешь?.. Мы в учебке тоже не всегда по зелёной в толчок ходили. И терпели, ничего нам не сбылось.

– Брось лютовать, Ахминей... Не знаю, как у вас, а у нас два взвода на очки сразу загоняли. А там, как хочешь, так и фонтанируй. До семи туловищ в одну кабинку набивалось. Стоим, короче, по кругу, шланги раскатали, а моча с нас не идёт. Когда сильно хочется, всегда так. И такая всегда зависть брала, когда у соседа сброс воды пойдёт, а ты тужишься, а толку

нет, как будто какая-то падла мочевой на ключ заперла. А потом струйки, как клинки, над дыркой скрестятся и сражаются меж собой. В натуре, как мечи лазерные в «Звёздных войнах».

– В какой части?

– В гвардейской, в какой. И не в части, а в эпизоде... Только в «Звёздных войнах» у всех мечи красные, а у нас только у тех, кому почки отстегнули. У троих, например, красные, а у четверых – жёлтые. Бьёмся секунд сорок, не больше, а то на построение не успеть.

– Смотрю, настроение у тебя хорошее, Ара. Ладно, не совсем же я ужаленный, пусть отольют. Чё хотел спросить. У вас разве только две расцветки было? С прозрачными струями на своём веку не пересекался?

– Не гони, таких не бывает. Все струи немного с желта.

– А вот ещё чё. Бывает, что с утраца рукояти лазерных мечей не к низу, а к верху направлены.

– Да пребудет с тобой сила.

– Взаимно.

Оба сержанта рассмеялись.

«Духам» было не до смеха. Они напружинивали тела в упоре лёжа и надеялись, что дежурный всё-таки благословит их в близкий путь. Первым отделениям артиллерийских взводов бежать до туалета дальше всех, но никто из подчинённых Кузельцова и Литвинова не отчаивался, а разрабатывал тактику и стратегию по захвату и удержанию унитазов.

Когда Саркисян обмолвился о том, что в его курсантскую бытность на очки загоняли сразу два взвода, Герц сразу смекнул, что сегодня батарея, скорей всего, уготована та же участь. Александр вообще внимательно следил за диалогом сержантов и не забывал делиться соображениями с лежавшим рядом Ильёй.

– Отольём, но не факт, – шёпотом комментировал Герц театральную постановку Ахминеева и Саркисяна. – Ага, шеврон всплыл. Факт – отольём... А вот и юмор у них пошёл с мечами лазерными, это хороший знак. Но сильно не радуйся, всей батареей мочиться будем... Ага, ржут. Конец спектакля. Готовность номер один. Начинаю обратный отсчёт. Три, два с половиной, два, полтора, один... в поле не воин, один... как перст, один... аковый, оди-и-ин. Поехали!

Одновременно со словом «встать» Герц и Павлушкин вскочили на ноги, а вот команду дежурного «оба взвода – в сортир!» они уже опередили. Шеренги лопнули, как перезревшие стручки гороха, и курсанты, словно горошины, сшибаясь друг с другом, поскакали по взлётке в туалет. Герц и Павлушкин опережали четыре отделения из шести. Это был бы блестящий результат, если забыть о том обстоятельстве, что их обгоняли шестнадцать человек.

Где-то в районе тумбочки дневального скорость курсантов, как обычно, снизилась. Давали о себе знать переполненные до краёв мочевые пузыри, в которых во время бега разыгрался шторм. Чтобы утихомирить разбушевавшуюся в организме жидкость, курсанты перешли на спортивную ходьбу. Плавному вилянию солдатских задов могли позавидовать модели. Что там – простые некрасовские бабы, живи они в казарме, могли смело доверить коромысла с полными вёдрами нашим «духам», потому что размашистый ход ягодиц при абсолютном покое торса и плеч – есть главное правило хождения по воду. Вероятно, исключительно из уважения к памяти некрасовских баб молодые «фейерверкеры» неукоснительно соблюдали это правило, когда буром пёрли в туалет. Не берёмся утверждать, но не исключено, что страдальческое выражение на лицах курсантов свидетельствовало об их сострадании нелёгкой женской долюшке. Если бы во время бега «духи» прижимали ладони к сердцу, то это, безусловно, говорило бы ещё и о том, что помимо уважения и сострадания к несчастным некрасовским бабам парни испытывали к ним романтические чувства. Но курсанты целомудренно прижимали ладони совсем к другому месту, название которого не берёмся озвучить. Они делали это гораздо мужественнее футболистов в «стенке» перед штрафным ударом по воротам, и в отличие от танцующего Майкла Джексона даже без намёка на сексуальность.

Герц прибыл в туалет семнадцатым, Павлушкин – девятнадцатым. С тем же успехом Александр мог прибежать в отхожее место сороковым, а Илья – сорок вторым, и ничего бы не изменилось.

Право на облегчение в батарее получали первые шестнадцать человек. Эти счастливики занимали четыре призовых кабинки (на каждый унитаз – по четыре курсанта), быстро вытаскивали на свет Божий свои разнокалиберные орудия, вручную осуществляли нехитрую наводку на дырку в полу и принимались медленно терять в весе. Пока вода выливалась из телесных резервуаров победителей, проигравшие нервно твердили слово-заклинание: «Резче, резче». Это заклинание, как правило, не срабатывало, так как триумфаторам не было никакого дела до менее расторопных товарищей. Шестнадцать чемпионов с полузакрытыми от наслаждения глазами никогда никуда не спешили. Они расслаблялись, почти медитировали, словно дегустировали процесс собственного опорожнения на зависть товарищам. Ещё куда не шло, когда в туалет отправляли повзводно. В этом случае за бортом оставались только пять несчастных, но сегодня...

Сегодня естественную нужду справляла вся батарея разом, и число проигравших автоматически выросло до двадцати шести человек. Среди отчаявшихся курсантов, – метавшихся по туалету в поисках пятой дырки, в которую можно было бы излить своё жёлтого цвета отчаяние, – завелись повстанцы. Восемь молодых «фейерверкеров» поставили себя вне закона, когда решили, что четыре кипенно-белых сержантских писсуара – это не частная собственность привилегированных классов, а общественное достояние. Повстанцы, наверное, запомнили, что на дворе не 1917-ый, а 2005-ый год, в котором за покушение на личное имущество следовало наказание. Крепко взяв мужское достоинство в руки, восемь курсантов не стали грабить чужую собственность. Они варварски надругались над ней. В момент беззакония, творимого над сержантскими писсуарами, нормальные доселе лица бойцов стали напоминать животные хари солдат октябрьской революции, которые загаживали всё, что нельзя было выпить, съесть, продать и изнасиловать.

– Фишка, Литвин, фишка, фишка, Литвин – тщетно предупреждали трусливые «духи-обыватели» храбрых «духов-мятежников», что на армейском аргоне означало: «В туалет идёт карательный отряд в лице сержанта Литвинова».

Но повстанцы уже не могли остановиться, как не может остановиться несущаяся по автобану машина, у которой полный бак бензина и нет тормозов. Лишь один курсант, услышав сигнал об опасности, попытался было включить ручник, но, почувствовав резкую боль внизу живота, продолжил обделывать мокрое дело.

Несмотря на то, что пахучее горючее вылетало напрямую, курсанты всё равно не успевали облегчиться до прихода сержанта.

«Черпак» Литвинов, зашедший в туалет, стал разрушать пинками скульптурную композицию «Писающие мальчики». Курсанты полетели в разные стороны, не забывая поливать мочой кабинки, стены и товарищей, вероятно, с той целью, чтобы никто не вышел сухим из воды, а помещение было помечено. Литвинов, обладавший компьютерной памятью в несколько десятков гигабайт, запомнил всех виновников справляемого не в том месте торжества. Как запомнил? Очень просто.

– Вездесущие вы мои, смир-р-на-а-а! – скомандовал сержант.

Невиновные «духи» сразу вытянулись и замерли на месте. Эти Литвинова не интересовали. Его занимали только те курсанты, которые сначала хватались руками за пах, чтобы упрятать в норки своих сусликов, и только потом выпрямлялись в английскую букву «i», которая по-русски произносится как «ай».

– Ай-ай-ай, – один за другим запоздало вставали в стойку «смирно» провинившиеся «духи».

– Ай-ай-ай, – качал головой Литвинов, запоминая каждый новый «ай» в лицо.

Сохранив на жёсткий диск восьмерых бандитов, обесчестивших писсуары, сержант вышел из туалета.

Сразу скажем, что в течение дня Литвинов раздаст всем виновным сестрам по серьгам. Возмездие произойдёт в курилке. Однако проштрафившиеся курсанты, которые сегодня пройдут через пыточную камеру Малюты Литвинова, не напрудят в штаны от страха и не обмочатся от боли, потому что все они успели опорожниться на три четвертых ещё утром.

Павлушкина и Герца среди восьми мятежников не оказалось.

Чтобы понять, что сегодня в туалете отлить не удастся, нашим героям понадобилось 0,6 секунды.

– В сушилку! – бросил Герц на 0,7 секунды.

– Можно! – без спешки проанализировав ситуацию, согласился Павлушкин с товарищем на 0,9 секунды.

Но не сразу побежали два друга в сушилку. Они были опытными солдатами, поэтому не торопились улизнуть из туалета. Оба курсанта прекрасно помнили, как три недели назад был уличён в проступке и сурово наказан «дух» Епифанцев, разрешившийся от бремени не в сортире, как заведено, а в комнате бытового обслуживания или по-армейски – в бытовке. Эта заблудшая овца из третьего отделения АРТ-взвода отлила не куда-нибудь, а в угол, который замкомвзвод Саркисян во время разбирательств назвал красным, потому что в нём сох недавно покрашенный ящик для писем, который является иконой для каждого солдата.

– Ты знаешь, на кого ты помочился?! – заходился в праведном гневе Саркисян. – Ты на наших матерей, подруг, друзей помочился! Ты на чёртову тучу регионов, которые желают нам здоровья и скорого дембеля, умудрился помочиться! Лучше б ты на меня помочился! Лучше б ты на середину плаца во время развода по-большому сходил! Лучше б ты подошёл к комбату и сказал: «Разрешите обратиться, товарищ прапорщик!» Лучше б ты высморкался в знамя бригады, как в носовой платок! Лучше б ты поднял над штабом не российский флаг, а свою стоячую портянку, и пусть бы она там гордо реяла назло врагам – никто бы тебе слова, обезьяна, не сказал! Так ведь нет же! Ты решил на самую главную святыню покушаться! Знаешь, что мы пишем в письмах на Родину?! Я тебе напомню! У всех стандартно. Здравствуйте, мама, папа и так далее. У меня всё хорошо, кормят хорошо, служу хорошо. Передавай привет Костяну, Петьке, дяде Стёпе и так далее. А теперь представь, что твоя моча попала в ящик с письмами. Строчки же размочит, и мать подумает, что сын плакал, что всё у него не так хорошо. В порыве жалости она поднесёт письмо к губам, чтобы поцеловать каракули. И ведь поцелует же! Не обращая внимания на вонь, ублюдок! Потому что она – мать, потому что она пахучие кучи из-под тебя таскала, когда ты сосунком накладывал в штаны, не желая даже знать, что для этого есть ту-А-лет, а не угол бытовки!

Тогда Епифанцеву здорово досталось, и никто не посочувствовал Анике-воину. Герц и Павлушкин помнили это. Не забыли они и о том, как сержанты безо всякого анализа мочи за пятьдесят минут вычислили её хозяина. «Духов» построили, а потом по одному вызывали их в комнату досуга, где каждому из них задавался один и тот же вопрос: «Кто сегодня утром мочился с тобой рядом?» При этом очередного респондента просили не врать, потому что в том случае, если он упомянет соседа, а сосед его нет, то оба будут выселены в туалет на постоянное место жительства. Прописка в сортире мало привлекала курсантов, поэтому они концентрировались, выуживали из памяти информацию об утреннем посещении уборной и лаконично докладывали о том, с кем и как долго они стояли плечо к плечу. Один «дух», который был не в силах вспомнить лица тех, с кем он занимался безвредным обезвоживанием организма, даже не преминул поразмышлять на предмет солдатских струй.

– Товарищи сержанты, – сказал он, – человек, находившийся справа от меня, чертил струей букву Z. Этим Zогго мог быть только Бабанов, он всегда так самовыражается. А слева от меня мог стоять кто угодно, но, скорей всего, рядовой Веришко; он всегда бьёт по остаткам

засохшего кала вокруг дырки, чтобы смыть дерьмо в канализацию и тем самым хоть немного облегчить труд дневальных.

Когда стали допрашивать Епифанцева, он продуманно поместил себя в уголок дезинфекции, который располагался в конце туалета.

– Товарищи сержанты, – не своим голосом произнёс тогда Епифанцев, – Я завернул в дез. уголок, чтобы не мешать другим, так как в сортир утром не хотел. Там и переждал, когда все назад ломанутся. Туда никто не заглядывал, я всё время был один.

Как будто не знал бедолага, что в казарме, нафаршированной людьми до отказа, редко кому удаётся остаться наедине с собой долгое время! Как будто не ведал несчастный, что каждый солдат в течение дня то и дело попадает в поле зрения хотя бы одного из своих сослуживцев. Знал и ведал, но понадеялся на русский «авось, пронесёт». Зря. Не пронесло, хотя, казалось бы, туалет как раз для этого и создан.

Клубок распутал «слон» Лысов, девятнадцатилетний младший сержант с телом мужчины, лицом семнадцатилетнего парня и глазами ветерана трёх войн.

– Дневальный! – крикнул он.

– Я! – вырос в дверном проёме курсант Каломейцев.

– Ты должен был видеть Епифанцева, когда в дез. уголке убирался?

– Так точно!

– Значит, видел?

– Никак нет!

– Не понял.

– Раз Вы говорите, что должен был видеть – значит, должен. Но я не видел... Виноват, товарищ сержант.

– Ты чё – выхватываешь¹⁸ надо мной, гоблин?

– Никак нет.

– А чё тупишь тогда?

– Замотался, наверное.

– Эй, лупень, ты чё хочешь сказать, что ты вымотался?

– Никак нет. Вымотался – это когда мочи нет.

– О моче и речь, гоблин.

– Ясно.

– Чё тебе ясно?

– Крайних ищите... Я не виноват. Меня в бытовке не было. Я в дез. уголке убирался.

– И убирайся! – взревел Лысов.

– ..., – от полного непонимания завис Каломейцев, как компьютер.

– На очки! – включил Лысов презагрузку подчинённого.

Словом, Епифанцев, – которого ни худым, ни добрым словом не помянули курсанты в своих рассказах об утреннем посещении отхожего места, – оказался крайним. Если женщина говорит мужчине, что он превратился в тряпку, то под этим она подразумевает, что рядом с ней живёт олух, растяпа, тюфяк. В армии же всё буквально.

– Короче, собой пол вытрешь, – сказал Лысов Епифанцеву. – Всё по понятиям. Сам нагадил – сам убирай. Это не запахло. Твоя же моча. Ты же не обламываешься носить её в себе, значит, поносишь и на себе. Но это не наказание. Это то же самое, что ты похавал, а потом посуду за собой помыл. Короче, наказать тебя надо ещё, чтоб другим неповадно было. Сначала мы сделаем из тебя ветошь, а потом повысим в звании до половой тряпки.

С квёлыми лицами курсанты артбатареи наблюдали за тем, как пропитывался мочой еловивший по полу Епифанцев, предварительно обработанный умелыми сержантскими руками

¹⁸ Смеяться (сленг)

в меховых трёхпалых рукавицах. После избиения провинившийся «дух» не мог похвастать ни одним синяком на лицевой стороне тела, зато изнанка Епифанцева пострадала изрядно. Здоровый снаружи, больной внутри – провинившийся «дух» один в один напоминал Римскую империю перед приходом варваров. Если бы Епифанцев, старательно осушавший собой пол бытовки, впитал бы в себя всё, то мы бы ограничились банальным сравнением курсанта с губкой. Ну, раз не губка, то, может быть, тогда промокашка, вымершая на закате чернильной эры? Нет, у промокашки тоже нет никаких шансов на воскресение из мёртвых на страницах нашей рукописи, потому что Епифанцев скорее размазывал, чем впитывал растёкшиеся из угла ручейки. Поэтому мы уподобим курсанта ножу, мочу – маслу, пол – хлебу. Обильные осадки, выпавшие из «духа» поутру, тонким слоем распределялись по дощатой горизонтали бытовки и быстро испарялись.

Эпизод с Епифанцевым занозой сидел в головах Павлушкина и Герца, только эта заноза не причиняла её носителям особых неудобств, так как была простым механическим напоминанием об ошибке другого солдата и её последствиях. Друзья не испытывали сострадания к униженному товарищу. Правды ради надо отметить, что никакого презрения к отверженному курсанту они тоже не чувствовали.

Павлушкин и Герц оставались в туалете в течение периода, который в их случае можно было смело назвать юрским. Целых семь целых шесть десятых секунд они грамотно тёрлись в уборной, чтобы отложиться в памяти у как можно большего числа товарищей. Фразы «право принять, Герц», «с дороги, зёма¹⁹», «я ща кому-то потолкаюсь, Герц», «недержание что ли?» вполне устраивали Герца, так как его фамилия прозвучала два раза. Навёл шороху и Павлушкин. Его послали четыре раза и все четыре раза – с добавлением прозвища.

Забив собственными персонами головы сослуживцев, Павлушкин и Герц по стеночке выскользнули из туалета, бесшумной рысью пронеслись мимо тюремной решётки комнаты для хранения оружия и, миновав печально известную бытовку, ворвались в сушилку. Их отчаянные лица выражали примерно одно и то же: «Здесь и сейчас мы обделаем мокрое дело так, что и мокрого места не останется». Жертвой киллеров пало комнатное растение по фамилии Герань. Убийц не остановил тот факт, что цветок был безобидным философом, даже последователем Диогена, если вспомнить о том, что бочка приходится горшку дальней родственницей. Герц снял с подоконника цветок и поставил его к стенке. Друзья вырвали из ширинок водяные пистолеты с переполненными обоймами и открыли то, что огнём можно было назвать только с большой натяжкой.

– Моча впитываться не успевает, – сказал Павлушкин.

– Так в одну точку бьёшь, – бросил Герц.

– Типа, если по всей поверхности распылить, то быстрее всосётся.

– А ты будто не знаешь, что быстрее. Деревенский, а в почве не шарить.

– Для кого – почва, а для кого – земля.

– Ха, мать сыра земля.

– И сыра, тебе-то чё?

– Да мне-то ничё. По барабану.

– А таким, как ты, всегда по барабану. Понаедут к бабкам пирожков пожрать, молока полакать, с тёлками нашим на сеновале покуражиться, а потом сваливают.

– Куда, куда понаедут? Уж не в Москву ли?

– В деревню!

– Да кому твой колхоз нужен!

– Тогда не фиг мою землю грязью поливать!

– Я уже закончил.

¹⁹ Земляк (арм. сленг)

- Весело, да?
- Нет, легко.
- С облегчением.
- Взаимно.

Резко повернувшись на сто восемьдесят градусов, разошедшиеся в сложном аграрном вопросе друзья сразу сошлись взглядами на вопросе простом, на самом что ни на есть рядовом. На рядовом Бузакове, который был спрятан сержантами в сушилке перед телесным осмотром. Бузаков, бывший по жизни человеком неприметным, вчера внезапно выделился из серой массы. Более того – ему помог выделиться один из тех, кто в продолжение нескольких месяцев то и дело вдалбливал каждому курсанту: «Не выделяйся!».

Вчера в сержанте Ахминееве внезапно проснулся художник, и он тут же взялся за первую попавшуюся кисть, чтобы расцветить лик однообразного армейского мира. Так уж как-то нечаянно получилось, что кисть оказалась составной частью руки Бузакова. Ярый приверженец абстракционизма, Ахминеев любил, чтобы его бессмысленные картины отзывались болью в сердцах истинных ценителей живописи. Выкрутив кисть Бузакова до хруста, сержант раскрутил рядового вокруг себя и шваркнул его об стену, потом, чтобы добиться идеальных линий, снова раскрутил и ещё раз шваркнул. Природная красная краска выступила из Бузакова и мистическими кляксами легла на побелку. От соприкосновения с гением мастера волшебным образом преобразился и сам «дух»; серьёзно ударившись темечком, он стал выше остальных людей пусть и не на голову, но на еловую шишку точно. Вдобавок ко всему на глаза Бузакова после художеств Ахминеева со всех сторон наплыла небесная синь, и это могло означать только одно: он теперь уникальный человек, которому не место среди обычных людей на телесном осмотре, проводимом санинструктором батальона каждое утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.